12+

ЗОЛОТИНКА

Странные сны судьи Филании Лунь

Мистический детективный роман

Книга первая

Золотинка

Странные сны судьи Филании Лунь. Мистический детективный роман. Книга первая

«Издательские решения»

Золотинка

Странные сны судьи Филании Лунь. Мистический детективный роман. Книга первая / Золотинка — «Издательские решения»,

Судья Филания Лунь переезжает в провинциальный город, где её ждут непростые уголовные дела и старинная родовая усадьба. Необычный серебряный перстень, найденный в заброшенном колодце, становится началом необъяснимых событий.

© Золотинка
© Издательские решения

Содержание

Роман. Книга первая 6
Оглавление 7
Глава 1. Назначение 8
Глава 2. Приезд 11
Глава 3. Усадьба предков 15
Глава 4. Первый рабочий день судьи 24
Глава 5. Первые дела 27
Цена опознания 27
Убийство в мастерской 31
Двое у склада 34
За закрытыми дверями 37
Драка возле гаражей 40
Портфель часовщика 43
Последний вечер сторожа 45
Цена угроз 48
Граница обороны 51
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Странные сны судьи Филании Лунь Мистический детективный роман. Книга первая

Золотинка

© Золотинка, 2026

ISBN 978-5-0071-7651-4 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-7652-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман. Книга первая

Оглавление

Глава 1. Назначение
Глава 2. Приезд
Глава 3. Усадьба предков
Глава 4. Первый рабочий день судьи
Глава 5. Первые дела
Глава 6. Сюрприз из колодца
Глава 7. Новые дела
Глава 8. Странные сны
Глава 9. Поиски истины
Глава 10. Перстень

Глава 1. Назначение

В конце августа 1999 года Филания Лунь увидела в почтовом ящике конверт с официальным обратным адресом и замерла, забыв о рекламных листках и квитанциях. Почти год ожидания уместился в несколько секунд, пока она поднималась по лестнице. Дома Филания вскрыла конверт прямо в прихожей. Прежде чем дочитать первую строку, уже поняла: назначение состоялось.

Документ подтверждал то, о чём ей уже сообщили по телефону: указом Президента Российской Федерации она назначена судьёй Вельмирского районного суда Тверской области.

Теперь у неё была новая должность, другой город и всего несколько недель, чтобы закончить дела в прокуратуре, собрать вещи и перебраться в Вельмирск. Филания положила письмо на кухонный стол и потянулась к телефону. Первым делом следовало предупредить тех, кто до последнего не верил, что она действительно уедет из Москвы.

Однако номер она так и не набрала. Села, ещё раз посмотрела на собственную фамилию в документе и рассмеялась — негромко, скорее от облегчения. Она добилась того, чего хотела. Теперь предстояло узнать, на что способна без привычной поддержки коллег.

За окном шумела Москва. С улицы доносились автомобильные сигналы, чьи-то голоса и металлический стук разгружаемых ящиков. Обычный будний день продолжался, не замечая перемен в судьбе одной из своих жительниц.

В двадцать восемь лет Филания уже шесть лет работала в прокуратуре. Университет она окончила в 1993 году и успела увидеть достаточно уголовных дел, чтобы не путать уверенность следователя с доказанной виной. Когда заместитель прокурора Виктор Сергеевич Бармин предложил ей подумать о карьере государственного обвинителя, она ответила, что собирается стать судьёй.

Бармин тогда отложил очки и долго смотрел на неё, словно ожидал продолжения шутки. Но Филания не шутила. Ей хотелось самой оценивать доводы обеих сторон, а не отстаивать позицию обвинения.

— Значит, решила уйти от нас? — спросил он наконец. — И непременно в районный суд?

— Именно. Мне интересно, что остаётся от обвинения, когда его начинают проверять в судебном заседании. И что при этом чувствует человек, которому предстоит вынести решение.

— Красиво сказано, — заметил Бармин. — Только учти: судья не может исправить плохое следствие собственными догадками. И не может оправдать человека исключительно потому, что тот ему симпатичен. Что будешь делать, если потерпевшие требуют наказания, прокурор уверен в обвинении, а доказательств не хватает?

— Приму решение по закону. Иначе зачем мне становиться судьёй?

Бармин не ответил сразу. Потом закрыл папку и сказал, что уверенность пригодится ей меньше, чем способность вовремя признать ошибку. Этот разговор Филания вспоминала не раз за месяцы экзамена, оформления документов и ожидания назначения.

Получив рекомендацию квалификационной коллегии, она ещё не знала, когда последует указ. Теперь дата отъезда из Москвы стала вполне реальной.

Особенно удивляло знакомых не её намерение стать судьёй, а выбор города. Вельмирск, районный центр Тверской области, находился примерно в трёхстах двадцати километрах от Москвы. До него можно было добраться прямым автобусом, однако жизнь там обещала быть совсем не столичной. Посторонним Филания объясняла свой выбор желанием работать в обычном районном суде, где решения затрагивают судьбы людей, встречающихся друг с другом на улицах и в магазинах. Но была и личная причина: неподалёку от Вельмирска, возле старого села Старотальвинского, находился дом её предков. Дед подарил его ей в прошлом году, а увидеть собственными глазами Филания так и не успела. Теперь служебное назначение и давно

отложенная поездка неожиданно соединились, хотя ничего таинственного в этом совпадении она не усматривала.

Телефон зазвонил, когда Филания вновь перечитывала письмо. На другом конце провода оказался Матвей Арсеньевич Ратников, профессор права, у которого она училась и с которым продолжала общаться после выпуска. Он поздравил её, шутливо посетовав, что бывшие студенты иногда сообщают новости быстрее официальной почты, а затем спросил, не передумала ли она ехать в Вельмирск. Филания заверила, что решение принято окончательно.

— Ты знаешь, я советовал подождать ещё несколько лет, — сказал Ратников. — Закон позволяет назначить судьёй и в двадцать восемь, но жизненного опыта от этого не прибавляется. И тебе особенно понадобится терпение: слишком быстро замечаешь слабое место в чужом рассуждении и не всегда даёшь человеку договорить.

— Постараюсь исправиться, Матвей Арсеньевич. Хотя обещать полного перевоспитания не стану.

Профессор рассмеялся. Вместо очередного наставления он предложил зайти перед отъездом: для бывшей студентки у него давно лежала приготовленная книга. Какую именно, говорить не стал. «Хотя бы одну загадку оставьте мне», — потребовала Филания, и Ратников пообещал не портить сюрприз.

После разговора она убрала письмо в папку с документами и раскрыла блокнот. На одной странице составила список дел, которые требовалось завершить в прокуратуре, на другой — вещей для переезда. Внизу вывела отдельно: «Старотальвинское. Позвонить деду».

* * *

Последний день в прокуратуре оказался утомительнее, чем она ожидала. Коллеги приходили прощаться, приносили бумаги на подпись, уточняли обстоятельства незаконченных проверок и непременно интересовались, не передумала ли она ехать в провинцию.

Самым настойчивым оказался молодой следователь Илья Самойлов, с которым Филания несколько раз спорила из-за поспешных выводов в уголовных делах. Он пришёл с коробкой конфет и с таким серьёзным видом, будто собирался не прощаться, а снова отстаивать обвинение. Самойлов поинтересовался, не станет ли теперь Лунь судить самих следователей. Она поправила его: рассматривать будет уголовные дела, а спорить с участниками процесса по-прежнему следует аргументами.

Самойлов поставил конфеты на стол и вспомнил историю с кражей на складе. Тогда он искренне обиделся, когда Филания потребовала перепроверить алиби подозреваемого. Позднее выяснилось, что свидетель перепутал день и почти убедил следствие в том, чего не видел. Самойлов признал ошибку неохотно, но без прежней обиды. Филания не собиралась праздновать правоту: документы, позволившие установить истину, нашёл он сам.

— Значит, в Вельмирске следователям повезло меньше, чем нам, — заключил Самойлов, поднимаясь. — Там вы сразу будете решать, достаточно ли доказательств.

— А вы не забывайте их собирать, Илья Петрович. Тогда всем будет легче, — ответила она с улыбкой. Они пожали друг другу руки и расстались уже без привычного спора.

Виктор Сергеевич Бармин проводил её до двери кабинета. Простились без торжественных речей. Он пожелал ей выдержки, напомнил о необходимости беречь здоровье и напоследок сказал, что хороший судья обязан уметь не только говорить «виновен», но и произносить «не доказано», когда этого требует закон.

На улице она по привычке повернула в сторону метро и вдруг остановилась. Ей больше не нужно было торопиться назад в прокуратуру с каким-нибудь уточнением: рабочие бумаги переданы, кабинет опустел. Филания пошла медленнее, привыкая к неожиданной свободе.

Вечером Филания собрала книги, отложенные для поездки, проверила документы и позвонила деду. Павел Николаевич спросил, не понадобится ли ей помощь с переездом, но она отказалась: вещей было немного, а квартиру в Вельмирске удалось найти заранее. Дед поинте-

ресовался, когда внучка собирается осмотреть семейный дом, и посоветовал не откладывать поездку. Весной ему сообщали, что у дальней пристройки потемнели доски, а крыльцо давно требовало ремонта.

— Ты сам давно там был? — спросила Филания, глядя на лежавшую возле телефона фотографию старого деревянного дома.

— Лет пять уже не ездил. Ноги не те. Но за усадьбой присматривали, после смерти Варвары старались не бросать. Ты только не затевай сразу большого ремонта: сперва осмотри всё и найди хороших мастеров.

На снимке начала семидесятых годов возле стены стояла пожилая женщина в тёмном платье. Дед подтвердил, что это Варвара, последняя постоянная хозяйка усадьбы, суровая на вид и необыкновенно заботливая к дому. Родные неоднократно звали её переехать в Москву, особенно когда здоровье стало ухудшаться, но она отвечала, что прожила здесь всю жизнь и намерена остаться. Филания слушала деда и смотрела на фотографию, пытаясь представить, какой была жизнь за этими стенами.

Перед окончанием разговора Павел Николаевич ещё раз напомнил о документах на дом и попросил внучку не спешить с решениями. Она пообещала отнестись к старой усадьбе внимательно, хотя сама пока не знала, что именно увидит при встрече.

Глава 2. Приезд

Вельмирск встретил её прохладным сентябрьским воздухом, запахом мокрой листвы и неожиданно оживлённой автостанцией.

Автобус вышел из Москвы около девяти утра и прибыл в Вельмирск во второй половине дня. Поездка заняла больше пяти часов: на одном из участков шли дорожные работы, а за медленно ползущими грузовиками образовалась длинная очередь. Филания успела прочитать почти половину взятой с собой книги, затем убрала её и стала смотреть в окно.

Сначала за окнами тянулись оживлённые шоссе и дачные посёлки. Постепенно движение становилось спокойнее, чаще попадались лесные участки, небольшие деревни, поля и придорожные торговые палатки. На подъезде к Вельмирску появились кирпичные корпуса предприятий, несколько пятиэтажных домов и старый водонапорный бак, возвышавшийся над низкими крышами.

Город оказался больше, чем она представляла по рассказам, но меньше, чем можно было ожидать от районного центра с таким количеством учреждений. На центральной улице теснились магазины, аптека, почта, здание районной администрации и несколько недавно открытых частных торговых точек. У рынка стояли автомобили с раскрытыми багажниками, из которых продавали яблоки, картофель и домашние соленья.

Филания вышла из автобуса с дорожной сумкой и небольшим чемоданом. Пока она оглядывалась в поисках встречающего, к ней подошёл коренастый мужчина лет пятидесяти в серой куртке. Лицо его обветрилось, а на крупных ладонях, особенно возле ногтей, темнели въевшиеся следы машинного масла. Он представился Леонидом Васильевичем Кругловым и сказал, что приехал по просьбе Софьи Павловны Нечаевой.

— Вы водитель суда? — поинтересовалась Филания.

— Нет, помогаю по хозяйству, когда надо. На собственной машине приехал. У нас казённого транспорта на каждый случай не напасёшься, — объяснил он, направляясь к стоянке.

На стоянке возле автостанции стояли светлые «Жигули», аккуратно вымытые, хотя на колёсных арках уже заметна была дорожная грязь. Леонид Васильевич положил чемодан в багажник, сумку устроил на заднем сиденье и открыл для Филании переднюю дверцу.

— Возможно, мне здесь понравится, — заметила она.

— Дай бог. Город у нас спокойный, только с работой по-разному бывает. А в суде, говорят, дел хватает. Люди тут друг друга знают: иной раз за хлебом выйдешь, а полчаса не вернёшься, каждому поздороваться надо.

Круглов рассказывал о знакомых милиционерах, следователях и местных учреждениях, но Филания предпочла не расспрашивать его о конкретных людях. Ей хотелось знакомиться с городом постепенно, составляя собственное мнение о тех, с кем предстояло работать.

Машина повернула на улицу с невысокими кирпичными домами. За деревьями показалась старая школа, окружённая чугунной оградой. На углу работал газетный киоск, возле которого несколько мужчин обсуждали футбольные результаты.

Филания заметила, что город не выглядел заброшенным, хотя следы последних трудных лет бросались в глаза. У некоторых домов облупилась краска, асфальт на второстепенных улицах был разбит, а на фасадах двух магазинов ещё виднелись старые советские вывески. Рядом с ними уже появились новые, яркие и вызывающе нарядные.

Когда машина повернула на Советскую улицу, Филания спросила, где расположен суд. Круглов показал рукой на двухэтажное здание бывшего административного управления и объяснил, что там суд размещается уже много лет. О Софье Павловне он отозвался с уважением: председатель требовала порядка и на заседаниях, и в хозяйственных делах. Если она поручила встретить нового сотрудника и показать жильё, значит, доложить о выполнении следо-

вало обстоятельно. Филания улыбнулась, но дальнейших вопросов не задала: о Нечаевой она предпочитала судить после личного знакомства.

Квартира находилась на втором этаже кирпичного дома возле небольшого сквера. Подъезд был чистым, хотя лестничные перила давно нуждались в покраске. Леонид Васильевич открыл дверь и пропустил Филанию вперёд.

В квартире оказались две небольшие комнаты, кухня и прихожая. Мебель была простой, но добротной: диван, письменный стол, книжный шкаф, кровать и два стула. На кухне стояли холодильник и газовая плита. Окна выходили во двор, где росли старые липы.

— Хозяйка квартиры уехала к дочери, — объяснил Круглов, передавая ключи. — Софья Павловна помогла договориться об аренде. Условия вам покажут. Для начала, думаю, удобно: до суда близко.

Филания оглядела комнаты и согласилась. После московской квартиры, где всё давно стояло на привычных местах, здесь чувствовалась свобода. Книги можно было расставить заново, стол придвинуть к окну, а вечером пользоваться тишиной, которой в столице почти не бывало. Круглов показал, где перекрывается вода, предупредил о капризном газовом кране, оставил номер домашнего телефона и пообещал сообщить председателю, что новая судья устроилась благополучно.

После его ухода Филания разобрала чемодан, аккуратно развесила одежду и поставила книги на полку. Затем вскипятила чайник, заварила чай и села возле окна.

Вечерний Вельмирск постепенно затихал. По двору прошла женщина с ребёнком, двое подростков катили велосипеды, под липами остановился пожилой мужчина с собакой. Из соседней квартиры доносились звуки телевизора.

Филания подумала, что именно здесь, среди этих незнакомых людей, ей предстоит прожить ближайшие годы. Завтра она будет проходить по улицам, которые пока не знает, встречаться с людьми, чьи фамилии впервые услышит в зале суда, читать материалы уголовных дел, в которых за сухими процессуальными формулировками скрываются чужая боль, страх, жестокость и порой необратимые ошибки.

Ей не было страшно. Но она понимала, что теперь недостаточно просто хорошо знать закон. Придётся научиться выдерживать тяжесть решений, которые невозможно переложить на другого человека.

* * *

С Софьей Павловной Нечаевой Филания познакомилась на следующий день. Председатель Вельмирского районного суда оказалась женщиной лет пятидесяти пяти, среднего роста, с короткими каштановыми волосами, уже тронутыми сединой. Строгий тёмный костюм, светлая блузка, небольшая брошь на лацкане — во внешности Нечаевой не было ничего случайного. Она встретила гостью рукопожатием, расспросила о дороге и квартире, затем предложила сесть. На столе лежала папка с документами о назначении.

— Характеристики у вас хорошие, Филания Аркадьевна, — сказала председатель, закончив просматривать бумаги. — Но я предпочитаю судить о человеке по работе. Возраст у вас небольшой. В прокуратуре вы привыкли оценивать материалы с одной процессуальной стороны, а здесь придётся отвечать за решение суда.

Филания понимала разницу и не стала уверять собеседницу в собственной готовности ко всем трудностям. Нечаева рассказала о нагрузке, о потерпевших, которые ждут наказания, об адвокатах, оспаривающих каждое доказательство, и о народных заседателях, не всегда решающихся высказать собственное мнение. По её наблюдениям, многие заседатели соглашались с профессиональным судьёй не потому, что были убеждены в правильности решения, а из уважения к должности или нежелания спорить.

— У вас часто возникают с ними разногласия? — спросила Филания.

— Реже, чем хотелось бы. Мне нужны люди, которые думают, а не просто соглашаются, — ответила Нечаева. — По закону у них равный голос. Значит, и ответственность должна быть настоящей.

Филания с интересом посмотрела на председателя. В этой строгости не было высокомерия: Нечаева требовала участия от каждого, кому доверено отправление правосудия. Она предупредила и о другой особенности небольшого города. Следователь мог оказаться родственником свидетеля, обвиняемый — бывшим одноклассником чиновника, а потерпевший — знакомым сотрудника милиции. Это не делало всех жителей участниками круговой поруки, но налагало особую обязанность пресекать любые попытки обсуждать дело вне судебного заседания.

— Давление не всегда выглядит как угроза, — пояснила председатель. — Иногда человек будто случайно встречает вас возле магазина и начинает рассказывать, какой хороший сосед подсудимый. Или, наоборот, сколько бед тот причинил людям. Такие разговоры надо прекращать сразу.

— С этим я справлюсь, Софья Павловна, — ответила Филания. Нечаева не стала спорить, поднялась из-за стола и пригласила её осмотреть здание.

Суд занимал бывшее административное помещение, приспособленное к новым нуждам не без труда. На первом этаже располагались канцелярия, помещения для посетителей и два зала судебных заседаний. Второй зал был меньше первого, с деревянными скамьями и узкими окнами, выходившими во внутренний двор.

В коридорах пахло бумагой, старой краской и влажной штукатуркой. Возле канцелярии стояли люди: пожилая женщина с папкой документов, двое мужчин в рабочих куртках, молодой парень, нервно комкавший в руках кепку. У стены дежурил милиционер.

Нечаева коротко знакомила Филанию с сотрудниками, не задерживаясь надолго. Секретарь судебного заседания, женщина с выразительными серыми глазами, представилась Ириной Андреевной Соколовой. Судебный пристав, высокий мужчина с военной выправкой, вежливо поздоровался и почти сразу вернулся к своим обязанностям.

В одном из кабинетов они застали пожилого судью, склонившегося над раскрытым томом уголовного дела. Нечаева представила его как Николая Григорьевича Туманова, самого опытного судью в районе, и посоветовала обращаться к нему по поводу местных особенностей работы. Туманов с невозмутимым видом добавил, что по вопросам закона тоже может дать совет, хотя председатель считает его беседы чересчур обстоятельными.

— Николай Григорьевич способен обсуждать один процессуальный вопрос до обеда, — заметила Нечаева.

— Зато после обеда уже никто не сомневается, — ответил Туманов. Филания улыбнулась: по всему было видно, что коллеги давно привыкли к таким шуткам и хорошо понимают друг друга.

— Здесь будете работать, — сказала Нечаева, открывая дверь кабинета в конце коридора. — Табличку закажем. Пока знакомьтесь с помещением и устройством суда. К исполнению обязанностей приступите после принесения присяги. Если будут вопросы, заходите.

В кабинете стояли стол, шкаф для документов и металлический сейф, а на подоконнике зеленела герань. Из двух окон был виден внутренний двор со старой рябиной: ветер раскачивал ветви, и красные гроздья временами касались стекла. Филания прошла к столу, проверила, открываются ли ящики, и поинтересовалась порядком распределения уголовных дел. Нечаева одобрительно кивнула. Следующий час они посвятили работе канцелярии, нагрузке судей, составу суда по разным категориям дел и организации заседаний. Председатель предупредила, что делать скидку на возраст или новизну назначения никто не станет. Филания и сама не ожидала особого отношения.

Уже у двери Нечаева вспомнила о семейном доме новой коллеги в Старотальвинском. Узнав, что он пустует около двадцати лет, она посоветовала не затевать такой ремонт, который начнёт мешать службе. Филания пообещала разумно распределять время. Председатель оценила именно эту формулировку: обещание успевать всё показалось бы ей куда менее убедительным.

Оставшись одна, Филания сняла жакет, повесила его на спинку стула и села за новый рабочий стол. Ей хотелось немедленно открыть уголовное дело, начать изучать материалы, записывать вопросы, но до вступления в должность оставались необходимые формальности. Она вынула записную книжку, написала дату, ниже добавила «Вельмирский суд» и несколько рабочих замечаний, после чего убрала блокнот в сумку.

* * *

Через несколько дней Филания принесла судейскую присягу на собрании судей в торжественной обстановке. Когда подошла её очередь произнести установленные законом слова, она неожиданно ощутила волнение, которого не испытывала ни на квалификационном экзамене, ни во время собеседований.

Слова были знакомы ей давно. И всё же, произнесённые вслух перед коллегами, они приобрели совершенно иной вес.

Вернувшись после собрания, она получила поздравления сотрудников суда. Николай Григорьевич Туманов принёс ей небольшой букет астр, купленных по дороге, а Ирина Андреевна Соколова, улыбаясь, сообщила, что табличка на дверь уже готова.

Вечером Филания возвращалась домой пешком. Моросил мелкий дождь, под ногами шелестела опавшая листва. У магазина возле сквера продавали свежий хлеб. Она купила батон, молоко и яблоки, затем медленно пошла к своей квартире.

Впервые за всё время после переезда ей показалось, что Вельмирск перестал быть совершенно чужим. Улицы ещё не стали привычными, но уже появились знакомые ориентиры, несколько лиц, которые она могла узнать, и место, куда теперь предстояло приходить каждое утро.

Дома она достала из папки документы на родовую усадьбу и разложила на столе старые фотографии. На следующий день у Филании оставалось свободное время, и она решила съездить в Старотальвинское. Дед предупреждал, что участок зарос, а дом требует ремонта; особенных надежд на поездку она не возлагала, однако ей хотелось увидеть место, где жили её предки.

На обороте одной из фотографий выцветшими чернилами было написано: «Наш дом. Лето 1974 года». Ниже проступали ещё два слова — «старый дом», но к чему они относились, было непонятно. На снимке стояла знакомая усадьба, построенная задолго до рождения Филании. Возможно, кто-то подписал фотографию много лет спустя, вспоминая прежнюю постройку. Она решила при случае расспросить деда, бережно убрала снимок в папку, выключила лампу и подошла к окну.

Глава 3. Усадьба предков

Сентябрьское утро выдалось прохладным и пасмурным. Ночью прошёл дождь, и теперь мокрые ветви лип едва заметно покачивались за окном, роняя на асфальт первые пожелтевшие листья. Филания проснулась раньше будильника, некоторое время прислушивалась к незнакомым звукам дома, затем поднялась и подошла к окну. Во дворе женщина выгуливала собаку, возле подъезда двое мужчин загружали в автомобиль какие-то ящики. Всё выглядело совершенно обыденно, и только непривычная тишина напоминала, что она больше не в Москве.

Сегодня Филания впервые собиралась увидеть усадьбу, принадлежавшую нескольким поколениям её предков. Документы на дом уже больше года хранились среди её личных бумаг, однако до сих пор собственность существовала для неё преимущественно на бумаге. Она знала адрес, примерную площадь строения, видела старые фотографии и неоднократно слушала рассказы деда, но ни разу не бывала в Старотальвинском.

Павел Николаевич не скрывал, что дом давно требует основательного ремонта. После смерти Варвары, последней постоянной обитательницы усадьбы, родственники старались поддерживать строение в приемлемом состоянии, но постепенно заботы о нём свелись к самым необходимым мерам. Местный житель, которому дед доверил ключи, присматривал за крышей, проверял замки, заменял разбитые стёкла и время от времени проветривал комнаты. О настоящем восстановлении никто всерьёз не задумывался.

За завтраком Филания раскрыла записную книжку и ещё раз проверила адрес Николая Степановича Белова. Дед заранее сообщил ему о приезде внучки, и они договорились встретиться возле усадьбы в одиннадцать часов. Она положила в сумку документы, рулетку, блокнот и небольшой плёночный фотоаппарат. Ей хотелось осмотреть дом без спешки, зафиксировать повреждения и составить хотя бы предварительное представление о предстоящих расходах.

Леонид Васильевич Круглов накануне предлагал отвезти её на своей машине, но Филания отказалась. Старотальвинское находилось недалеко от Вельмирска, между населёнными пунктами ходил автобус, и ей казалось разумным с самого начала привыкать к самостоятельным поездкам. Кроме того, она хотела увидеть окрестности не из окна служебного автомобиля, а такими, какими их ежедневно видели местные жители.

На остановке ожидали несколько человек. Пожилая женщина с тяжёлыми хозяйственными сумками заметила, что незнакомка внимательно изучает расписание, и поинтересовалась, куда та собирается ехать. Услышав название села, она уточнила улицу, а затем неожиданно спросила, не к старому ли дому направляется девушка.

— К усадьбе на окраине, — ответила Филания. — Теперь она принадлежит мне.

Женщина оживилась. Оказалось, она помнила Варвару, хотя близко с ней знакома не была. По её словам, прежняя хозяйка держала дом в образцовом порядке, выращивала цветы и не позволяла даже сухим веткам валяться во дворе. После её смерти усадьба постепенно запустела, и местные жители уже перестали надеяться, что кто-нибудь всерьёз займётся восстановлением.

Филания хотела расспросить собеседницу подробнее, но подошёл автобус. Женщина первой направилась к дверям, ловко подняла сумки на ступеньку и, обернувшись, посоветовала выйти на второй остановке. Филания поблагодарила её и заняла место у окна.

Автобус проехал несколько улиц Вельмирска, миновал кирпичные корпуса старого предприятия и выехал на дорогу, вдоль которой тянулись огороды и частные дома. Постепенно застройка становилась реже. Справа виднелись поля, местами разделённые полосами кустарника, слева начиналась берёзовая роща. Несмотря на близость районного центра, здесь уже чувствовался сельский уклад. У ворот некоторых домов стояли телеги, возле сараев сохли сложенные штабелями дрова, а на огородах ещё убирали поздние овощи.

Старотальвинское оставалось самостоятельным селом, хотя расстояние до городской окраины составляло всего несколько километров. Его центральная улица была заасфальтирована, имелись магазин, почта и автобусная остановка. Дальше начинались старые деревянные дома с палисадниками, хозяйственными дворами и большими участками. В отличие от Вельмирска здесь почти не встречались многоквартирные здания, а за некоторыми оградами до сих пор держали домашний скот.

Филания вышла у небольшого магазина и свернула на боковую улицу. Дорога постепенно сужалась, заборы становились ниже, между домами появлялись пустующие участки. Возле одного двора пожилой мужчина рубил дрова, дальше женщина развешивала бельё. Из открытого окна доносились звуки радиопередачи. Филания шла неторопливо, сверяясь с адресом, пока не увидела в конце улицы знакомую по фотографии крышу.

Усадьба стояла в стороне от основной застройки, на небольшом возвышении, за старой деревянной оградой. Когда-то это место, по-видимому, представляло собой отдельное подворье, но со временем село приблизилось к нему. По соседству уже появились два жилых дома, а дальше начинались луга и заросшие кустарником участки. Несмотря на близость других построек, усадьба сохраняла некоторую обособленность, словно её прежние владельцы намеренно выбирали место подальше от оживлённой улицы.

Филания остановилась перед воротами и несколько минут рассматривала дом. На фотографиях он казался скромнее. В действительности строение было достаточно большим, хотя ничем не напоминало богатые дворянские особняки, которые иногда показывали в исторических фильмах. Его возвели из дерева, основательно, с расчётом на долгую семейную жизнь. Центральная двухэтажная часть соединялась с более низким боковым крылом, высокая крыша придавала дому выразительность, а резные наличники сохраняли следы работы искусного мастера.

Когда-то фасад был окрашен в светлый цвет, теперь краска местами облупилась, обнажив потемневшие брёвна. Козырёк над крыльцом просел, одна из водосточных труб отсутствовала, а старые яблони разрослись настолько, что их ветви касались стен. И всё же дом не выглядел безнадёжно разрушенным. Его пропорции оставались красивыми, стены стояли ровно, а окна, несмотря на запустение, придавали фасаду удивительно жилой вид.

— Ну как, не испугались?

Филания обернулась. К ней приближался высокий пожилой мужчина в тёмной куртке и резиновых сапогах. В руке он держал связку ключей, а на лице было то спокойное, чуть насмешливое выражение, с каким опытные хозяева наблюдают за городскими людьми, впервые увидевшими настоящее сельское хозяйство.

Она назвала себя, и мужчина представился Николаем Степановичем Беловым. Извинившись за небольшое опоздание, объяснил, что помогал соседу загнать выбравшуюся со двора корову. Затем открыл ворота и, пропуская Филанию вперёд, заметил, что дом ещё вполне крепкий, хотя работы в нём хватит на несколько сезонов. Говорил он без преувеличений, обстоятельно и уверенно, сразу производя впечатление человека, хорошо знакомого с хозяйством.

От ворот к крыльцу вела почти исчезнувшая под травой дорожка. По обе стороны росли сирень, смородина и старые кусты крыжовника. За домом начинался сад, где среди высокой травы темнели яблони и груши. Справа сохранился длинный деревянный сарай с тяжёлыми створками ворот, а ближе к дальней ограде угадывались остатки небольшой постройки.

Белов объяснил, что это была баня. После смерти Варвары её почти не топили, крыша начала протекать, а позднее частично провалился потолок. Сарай сохранился лучше: несколько лет назад там перекрывали повреждённый участок кровли и заменяли доски. Что касается самого дома, то главные опасения вызывали крыльцо, старые печи и электропроводка.

Поднимаясь по ступенькам, Филания почувствовала, как под ногами скрипнуло дерево. Николай Степанович сразу предупредил её, что на верхнюю ступень лучше наступать ближе к

стене, затем с некоторым усилием повернул ключ в замке. Дверь открылась не сразу, словно за долгие годы отвыкла от частых посетителей.

Внутри пахло старым деревом, пылью и закрытым помещением. Сначала они попали в просторные сени, затем прошли в широкий коридор. Филания остановилась, удивлённая тем, насколько хорошо сохранилась внутренняя отделка. Двери с филёнками, широкие половицы, высокие потолки и массивная лестница напоминали о времени, когда вещи делали не на несколько лет, а на поколения.

В гостиной стояла мебель, накрытая простынями. На стенах сохранились обои с выцветшим растительным узором, возле окна темнел старый комод с бронзовыми ручками. Николай Степанович раздвинул занавески, и сероватый утренний свет наполнил помещение, проявляя в воздухе медленно кружащуюся пыль. По его словам, после смерти Варвары родственники вывезли лишь самые ценные документы и некоторые книги. Остальное оставили на месте: старую мебель было жалко выбрасывать, а перевозить её в Москву никто не собирался.

Филания осторожно сняла край простыни с кресла. Обивка потускнела, но каркас остался крепким. Рядом стоял круглый стол на резной ножке, а возле стены — невысокий шкаф с застеклёнными дверцами. Вся обстановка свидетельствовала не столько о богатстве прежних хозяев, сколько об их привязанности к вещам, которыми пользовались долгие годы.

Белов рассказал, что Варвара предпочитала жить на первом этаже. С возрастом ей стало трудно подниматься по лестнице, поэтому верхние комнаты постепенно закрыли. Гостей она принимала здесь, в гостиной, а большую часть времени проводила в кухне или кабинете, где любила читать.

Филания достала блокнот и начала записывать замечания. Николай Степанович охотно помогал, обращая её внимание на повреждённые участки пола, потемневшие потолочные балки и следы старой протечки. Она быстро поняла, что состояние дома нельзя оценить только по внешнему виду. Необходимо проверить фундамент, стропила, перекрытия, печные дымоходы и коммуникации, прежде чем приступать к отделочным работам.

Особенно заинтересовал её кабинет. Здесь стояли массивный письменный стол, книжный шкаф и тяжёлое кресло с потёртыми подлокотниками. На подоконнике лежала стопка старых газет, перевязанных верёвкой. Филания осторожно подняла верхнюю и увидела дату: ноябрь 1978 года. Рядом находились несколько книг по истории, старые справочники и дореволюционные издания с выцветшими корешками.

Николай Степанович пояснил, что Варвара много читала и собирала семейные документы. Он сам почти не заглядывал в шкафы, считая чужие бумаги неприкосновенными. Его обязанностью было следить за сохранностью дома, а не разбирать содержимое ящиков. Филания поблагодарила его за такую осторожность и записала, что кабинет следует привести в порядок отдельно, не поручая посторонним разбирать книги и рукописи.

На втором этаже находились три комнаты и небольшой коридор с окном, выходившим в сад. Одна из комнат была почти пустой, в другой стояли две старые железные кровати, а третья сохранила более изящную мебель: комод, туалетный столик, зеркало и деревянную кровать с высокой спинкой. На стене висела овальная фотография молодой женщины в светлом платье.

Филания приблизилась к снимку. Женщина смотрела прямо перед собой, спокойно и немного строго. Высокий лоб, прямой нос, тёмные волосы, аккуратно уложенные на затылке, невольно заставили искать фамильное сходство. Белов предположил, что на фотографии изображена Варвара в молодости, хотя сам помнил её уже пожилой. Филания осторожно сняла рамку со стены, стёрла с неё пыль и положила на комод, решив позднее показать фотографию деду.

Осмотр комнат продолжался почти два часа. В одном месте обнаружились повреждённые половицы, возле лестницы сохранился след старой протечки, а в верхней комнате плохо закрывалась оконная рама. Николай Степанович считал, что восстановить дом вполне возможно,

но советовал сначала пригласить специалистов и составить смету. Он особенно предостерегал от случайных мастеров, обещающих за несколько недель превратить старое строение в новый особняк.

Филания согласилась. Сносить дом она не собиралась. Даже если ремонт окажется дорогим, ей хотелось сохранить не только стены, но и первоначальный характер усадьбы. Современные удобства можно было устроить, не уничтожая старинные двери, лестницу, резные наличники и добротные деревянные полы.

К полудню облака разошлись, и через окна в комнаты проникло солнце. Филания предложила продолжить осмотр снаружи. Ей хотелось увидеть сад, хозяйственные постройки и дальнюю часть участка, которую почти полностью скрывали деревья.

* * *

Сад производил одновременно печальное и обнадёживающее впечатление. Яблони давно не обрезали, многие ветви переплелись, а под деревьями густо разрослись сорняки. Однако среди сухих сучьев оставалось немало здоровых, на которых ещё висели поздние яблоки. Возле дорожки сохранились кусты смородины, за которыми виднелись заросшие цветочные клумбы. Николай Степанович рассказал, что Варвара очень любила цветы, особенно пионы. Некоторые, возможно, продолжали расти под травой, и весной можно было попытаться отыскать их.

За садом находились хозяйственные постройки. Сарай был длинным, с широкими воротами, позволявшими когда-то закатывать внутрь телегу или небольшую повозку. В дальней части участка сохранились остатки погреба, вход в который обвалился несколько лет назад. Белов предупредил, что без предварительного укрепления спускаться туда опасно. Филания отметила это в блокноте и направилась вдоль ограды, стараясь разглядеть скрытые кустарником сооружения.

Именно там она впервые увидела старый колодец.

Среди высокой травы выступал квадратный деревянный сруб, верхние брёвна которого потемнели и местами рассыпались от времени. Над ним лежали доски, придавленные камнями, а рядом сохранился обломок стойки, некогда поддерживавшей ворот. Кусты бузины разрослись настолько густо, что со стороны сада колодец почти невозможно было заметить.

Филания остановилась в нескольких шагах от него. Она знала из дедовых рассказов, что когда-то во дворе существовал собственный источник воды, но полагала, что от него давно ничего не осталось. Николай Степанович объяснил, что после подключения дома к водопроводу колодцем перестали пользоваться. Воду провели ещё при Варваре, в конце шестидесятых годов. Сначала хозяйка намеревалась сохранить старый источник на случай перебоев с водоснабжением, однако со временем необходимость в нём отпала. Колодец закрыли, оголовок постепенно разрушился, и никто не стал тратить деньги на его ремонт.

— А почему его не засыпали? — поинтересовалась Филания, рассматривая остатки деревянного крепления.

— Не мешал никому, вот и оставили. Варвара говорила, что хорошую воду уничтожать жалко. Здесь когда-то такой источник был, что даже в жару вода оставалась ледяной. Я сам пил из этого колодца, когда молодой был, — ответил Белов. Заметив, что Филания приблизилась к доскам, он сразу попросил её отойти: закрытие давно прогнило и могло не выдержать человеческого веса.

Она послушно отступила и спросила, известна ли глубина шахты. Николай Степанович покачал головой. По его воспоминаниям, колодец был глубоким, воду поднимали с помощью ворота, но точных измерений он никогда не видел. Последний серьёзный ремонт проводился ещё до того, как в доме появился водопровод, а после смерти Варвары никто не занимался обследованием старого сруба.

Филания обошла сооружение на безопасном расстоянии. Несмотря на разрушения, оно казалось ей заслуживающим внимания не меньше самого дома. Если нынешний дом, как сле-

довало из семейных рассказов, построили в конце девятнадцатого века, то колодец, возможно, существовал здесь значительно раньше. За долгие годы владельцы могли перестраивать жилые помещения, менять сараи и ограды, высаживать новые деревья, но источник воды обычно сохраняли там, где однажды удалось добраться до подходящего водоносного слоя.

— Я бы на вашем месте его засыпал, — заметил Николай Степанович. — Слишком уж старый. И опасный. В доме вода есть, зачем вам лишние расходы?

Филания не торопилась соглашаться. Ей хотелось сначала выяснить, можно ли восстановить колодец, не подвергая людей опасности. Если источник сохранился, после профессиональной очистки, ремонта и проверки качества воды он мог бы вновь пригодиться хозяйству. К тому же уничтожать старую постройку только потому, что ею давно не пользовались, она считала неразумным. Белов выслушал её доводы и признал, что специалисты смогут дать более точное заключение. Сам он за такую работу браться не собирался и решительно не советовал приглашать обычных землекопов.

— Начните с крыши и проводки, Филания Аркадьевна. А колодец никуда не денется. Только оградить его надо как следует, и чем раньше, тем лучше, — заключил он.

Она согласилась. В блокноте появилась отдельная запись о необходимости установить надёжное ограждение, после чего пригласить работников, имеющих опыт обследования старых колодцев. Никаких самостоятельных попыток заглянуть внутрь или разобрать повреждённые крепления она предпринимать не собиралась.

Они ещё немного постояли возле сруба, обсуждая расположение хозяйственных построек. Белов помнил рассказы старших родственников о том, что на этом месте прежде стоял другой, гораздо меньший деревянный дом. Нынешнюю усадьбу возвели позднее, разобрав прежнее строение. Однако кто именно жил здесь до строительства большого дома и насколько древним было само подворье, Николай Степанович не знал.

Эти сведения заинтересовали Филанию. До приезда она связывала историю усадьбы главным образом с концом девятнадцатого века. Теперь выяснялось, что семейная земля могла хранить следы значительно более ранней жизни. Она решила при случае расспросить деда и внимательнее изучить документы, оставшиеся после Варвары.

* * *

К обеду Николай Степанович предложил зайти к нему домой. Он жил неподалёку, вместе с женой Анной Михайловной, и заранее предупредил её о приезде новой хозяйки усадьбы. Филания сперва отказалась, не желая причинять людям хлопоты, но Белов решительно заявил, что жена всё равно приготовила обед на троих и будет недовольна, если гостью отпустят голодной.

Дом Беловых оказался небольшим, но очень ухоженным. Во дворе лежали аккуратные штабеля дров, вдоль дорожек росли цветы, а в огороде ровными рядами стояла поздняя капуста. Анна Михайловна встретила Филанию приветливо, без лишних церемоний, усадила за стол и сразу принялась расспрашивать о Москве, переезде и новой работе.

За обедом разговор постепенно перешёл к усадьбе. Оказалось, Анна Михайловна хорошо помнила Варвару, к которой в молодости не раз заходила в гости. По её словам, прежняя хозяйка отличалась твёрдым характером, терпеть не могла беспорядка и при этом никогда не отказывала соседям в помощи. Особенно она гордилась садом и старым домом, который считала главным семейным достоянием.

— Её ведь не раз уговаривали переехать к родственникам, — вспоминала Анна Михайловна. — И Павел Николаевич звал, и другие приезжали. А она даже слушать не хотела. Говорила, что здесь родилась, здесь всю жизнь прожила и уезжать никуда не собирается. Упрямая была, но по-хорошему упрямая.

Филания рассказала, что дед тоже вспоминал об этой привязанности. Ей хотелось понять, почему Варвара так дорожила домом, хотя к старости он требовал всё больших усилий. Анна

Михайловна предположила, что дело было не только в привычке. Варвара хорошо знала историю рода, помнила имена дальних родственников, сохраняла семейные фотографии, письма и старые документы.

— У неё коробочек всяких было множество, — продолжала хозяйка. — Деревянные, картонные, некоторые совсем старые. Разложит бумаги на столе, сидит, перебирает. Я ей однажды сказала, что всё это надо бы разобрать и подписать, чтобы потомкам осталось. А она ответила, что давно всё по порядку сложено, только читать некому.

Филания сразу вспомнила шкафы и ящики, которые ещё предстояло осмотреть. Она спросила, не составляла ли Варвара родословную. Анна Михайловна не могла сказать наверняка, но была убеждена, что среди семейных бумаг найдутся сведения о прежних владельцах. Варвара иногда рассказывала о прадедах и прабабках такие подробности, будто лично знала их, хотя сама, конечно, повторяла услышанное от старших.

Николай Степанович, до этого молча слушавший разговор, заметил, что начинать восстановление усадьбы всё-таки следует не с родословной, а с обследования электропроводки. Жена укоризненно посмотрела на него, но Филания поддержала хозяина. Старые бумаги вполне могли подождать, тогда как неисправные коммуникации представляли реальную опасность.

За столом разговорились и о колодце. Анна Михайловна подтвердила, что раньше вода в нём считалась очень хорошей. Некоторые соседи даже после проведения водопровода продолжали вспоминать её вкус. Сама Варвара, по словам хозяйки, долго не желала расставаться с привычным источником, хотя носить тяжёлые вёдра ей становилось всё труднее.

— А кто его построил, не знаете? — спросила Филания.

Анна Михайловна задумалась. Она припомнила, что Варвара однажды говорила о колодце как о самой старой постройке на подворье. Большой дом появился позднее, ещё при предках её родителей, а источник уже тогда существовал. Однако никаких имён или точных дат собеседница не помнила. В молодости семейные рассказы пожилой соседки казались ей бесконечными, и она редко обращала внимание на подробности.

Филания не стала настаивать. Вполне возможно, что сведения сохранились в документах или семейных записках. Она поблагодарила хозяев за обед, приняла предложение помочь с поиском проверенных мастеров и вскоре вернулась в усадьбу. До вечернего автобуса оставалось несколько часов, которые она собиралась посвятить разбору бумаг.

* * *

В кабинете на первом этаже было прохладно и тихо. Филания открыла окна, сняла со стола защитную простыню, осторожно вытерла пыль и перенесла из гостиной крепкий деревянный стул. Затем начала разбирать содержимое ящиков. Прежде всего её интересовали хозяйственные документы: планы строения, сведения о ремонтах, проведении водопровода и состоянии участка. Это помогло бы выяснить, какие работы уже выполнялись и с какими проблемами прежние владельцы сталкивались чаще всего.

В нижнем ящике обнаружились старые квитанции, тетради с домашними расходами, несколько папок и связки конвертов. Часть бумаг относилась к семидесятым годам, другие оказались значительно старше. Филания раскладывала их по датам, стараясь не повредить пожелтевшие листы. На одном из документов значился 1936 год, в другом упоминался ремонт крыши, проведённый в середине пятидесятых. Здесь же находились позднейшие справки, вероятно собранные дедом уже после смерти Варвары.

В отдельной тетради сохранились хозяйственные записи за 1964 год. Варвара аккуратно отмечала расходы на дрова, ремонт печи, покупку посуды, оплату работы плотника и приобретение строительных материалов. Почерк был мелким, ровным, почти каллиграфическим. По этим простым записям можно было представить, насколько внимательно пожилая женщина относилась к своему хозяйству. Она записывала даже небольшие расходы, редко оставляя пустые строки.

Перелистывая тетрадь, Филания обнаружила запись о ремонте деревянного ограждения возле колодца. Работы были выполнены летом 1965 года, рядом значилась сумма, выплаченная двум рабочим. Это подтверждало, что источник ещё использовали незадолго до подключения дома к водопроводу, а верхнюю часть сооружения старались поддерживать в порядке.

Она переписала дату и продолжила поиски. Несколько раз попадались фамилии, знакомые по рассказам деда, но установить их родственные связи без дополнительных сведений было трудно. На некоторых документах чернила выцвели настолько, что разобрать написанное можно было лишь при хорошем освещении. Филания решила не торопиться и не вынимать сразу всё содержимое шкафов. Каждая найденная бумага могла оказаться полезной, а беспорядочный разбор только увеличил бы риск что-нибудь потерять.

Когда она подняла голову, за окнами уже начинало темнеть. Сад постепенно погружался в тень, хотя верхушки яблонь ещё освещали косые лучи солнца. Через открытое окно доносился шелест листьев и редкое постукивание ветки о деревянную стену. Дом, который утром казался холодным и нежилым, теперь воспринимался иначе. Достаточно было открыть окна, передвинуть стул и разложить на столе бумаги, чтобы в комнате вновь появилось ощущение человеческого присутствия.

Филания задумалась о том, сколько поколений сменилось здесь за минувшие годы. Одни люди строили дом, другие ремонтировали его, третьи сажали деревья и расширяли хозяйство. Вещи переходили от родителей к детям, иногда меняли назначение, иногда просто оставались на прежних местах. Даже обыкновенная тетрадь с домашними расходами могла рассказать о прежней жизни больше, чем торжественный портрет.

Она не испытывала никакого мистического чувства. Скорее обычное любопытство, знакомое каждому, кто впервые начинает разбирать старый семейный архив. Однако теперь ей хотелось не просто привести дом в порядок, а разобраться, кто именно жил здесь до Варвары, откуда появились первые владельцы подворья и почему семья так долго сохраняла это место.

Николай Степанович пришёл ближе к вечеру. Филания показала ему найденную запись о ремонте колодца, и он подтвердил, что такие работы проводились регулярно, пока источник оставался действующим. Точных сведений о последней очистке шахты он не имел, но предположил, что об этом могут помнить самые пожилые жители села.

Они ещё раз обошли первый этаж, проверили окна и двери. Филания аккуратно сложила документы в прежний ящик, записала, что потребуется принести для дальнейшей работы, и закрыла кабинет. Перед уходом она задержалась в гостиной, рассматривая старую мебель. Теперь ей было трудно представить, что ещё утром она всерьёз допускала возможность ограничиться небольшим ремонтом и приезжать сюда только изредка. Дом требовал слишком большого внимания, чтобы заниматься им между делом, но и оставить его в прежнем состоянии она уже не могла.

На крыльце Белов напомнил, что в ближайшее время желательно установить надёжное ограждение вокруг колодца. Филания согласилась оплатить необходимые материалы и работу. Поскольку старые доски могли провалиться, оставлять шахту открытой даже на малопосещаемом участке было опасно.

Закрыв ворота, она остановилась на дороге и ещё раз посмотрела на усадьбу. Вечернее солнце придавало потемневшим стенам тёплый оттенок. За крышей виднелись старые яблони, в окнах отражалось светлое небо, а заросший сад уже не казался таким безнадёжным, как утром. Николай Степанович заметил, что при хороших мастерах и разумном подходе дом ещё сможет прослужить несколько десятилетий. Филания ответила, что именно на это и рассчитывает.

* * *

Обратный автобус пришёл почти по расписанию. Филания села возле окна, поставила сумку на колени и достала записную книжку. За день накопилось столько замечаний, что она

опасалась забыть некоторые подробности. На отдельных страницах значились повреждения крыши, состояние комнат, необходимость проверки печей и проводки, перечень документов, которые следовало изучить. Последним пунктом она записала поиск специалистов по восстановлению старых колодцев.

По мере приближения к Вельмирску пейзаж за окнами менялся. Луга уступали место частным домам, затем появились кирпичные здания, магазины и оживлённые перекрёстки. Филания вдруг подумала, что успела за один день познакомиться с двумя совершенно разными сторонами своей новой жизни. Утром она была хозяйкой заброшенного семейного дома, которую заботили крыша, сад и старые трубы. Завтра ей предстояло вновь сосредоточиться на службе, судебной документации и обязанностях, не допускавших подобной неторопливости.

Вернувшись в квартиру, она приготовила ужин и разложила на столе записи, сделанные во время поездки. Плёнку из фотоаппарата пока вынимать не стала: несколько кадров оставалось неиспользованными, а проявить снимки можно было позднее. Зато она тщательно перенесла в отдельную тетрадь все сведения о необходимых работах, расположив их по степени срочности. Обследование крыши и электропроводки оказалось на первых местах; восстановление сада, ремонт хозяйственных построек и расчистку колодца она отнесла к следующему этапу.

На письменном столе лежала старая фотография дома, сделанная в 1974 году. Теперь Филания узнавала каждую подробность: крыльцо, оконные наличники, изгиб бокового крыла, дерево возле забора. Даже женщина в тёмном платье, стоявшая у стены, перестала казаться совершенно чужой. Филания уже представляла, в каких комнатах жила Варвара, где читала книги и откуда выходила в сад.

Вечером она позвонила деду. Павел Николаевич долго расспрашивал о состоянии усадьбы, несколько раз уточнял расположение повреждений и с удовлетворением выслушал её намерение сохранить старинные элементы отделки. Особенно его обрадовало, что дом оказался достаточно крепким. Он опасался, что после стольких лет запустения внучка увидит лишь прогнившие стены и рухнувшую крышу.

Когда разговор зашёл о колодце, дед неожиданно оживился. Оказалось, он хорошо помнил, как в детстве из него поднимали воду. Источник никогда не пересыхал даже в жаркое лето, а вода оставалась холодной и прозрачной. Правда, о глубине шахты Павел Николаевич ничего определённого сказать не мог: в те годы подобными измерениями никто из детей не интересовался.

Филания рассказала, что хочет пригласить специалистов и выяснить, можно ли восстановить старое сооружение. Дед поддержал её, хотя сразу предупредил об опасности повреждённого сруба. Она объяснила, что самостоятельно спускаться в шахту не собирается и уже договорилась с Николаем Степановичем об ограждении опасного места.

— Правильно, — одобрил Павел Николаевич. — Старые колодцы не прощают беспечности. Пусть сначала люди знающие посмотрят. А если окажется, что источник сохранился, восстановить его действительно стоит. Такая вода раньше была — нигде лучше не найдёшь.

— Посмотрим, дедушка. Сначала обследование, потом очистка, а там уже анализ воды. Если всё будет в порядке, можно будет пользоваться.

Он пожелал ей спокойной ночи и ещё раз попросил не торопиться с ремонтом. Филания пообещала заниматься усадьбой постепенно, не отвлекаясь от судебной службы, и положила трубку.

Некоторое время она сидела за столом, просматривая записи. План восстановления получался обширным, но вполне осуществимым. Главное — найти надёжных работников, правильно определить последовательность работ и не пытаться сделать всё одновременно. Она решила в ближайшие выходные снова приехать в Старотальвинское, привезти необходимые принадлежности для разбора документов и подробнее осмотреть кабинет.

Перед сном Филания убрала бумаги в папку и ещё раз взглянула на фотографию Варвары. Возможно, среди оставшихся в доме записок сохранилась настоящая семейная летопись. Ей хотелось установить хотя бы основные даты, имена и родственные связи. Ведь если подворье существовало задолго до строительства дома, его история могла оказаться гораздо старше, чем предполагал дед.

Она выключила настольную лампу и направилась в спальню. День получился долгим, но приятным. Филания познакомилась с усадьбой, встретила людей, помнивших прежнюю хозяйку, и впервые почувствовала, что дом, доставшийся ей по наследству, постепенно становится для неё чем-то большим, чем старой недвижимостью.

Особенно запомнился колодец. Не своей загадочностью — никакой загадки Филания в нём не усматривала, — а тем, что он, вероятно, пережил не одно поколение обитателей усадьбы. Старинный источник, заброшенный после появления водопровода, вполне заслуживал хотя бы обследования, прежде чем принимать решение о его судьбе.

С этой мыслью она уснула. Впереди начиналась настоящая судебная работа, ради которой Филания и приехала в Вельмирск. Усадьба пока оставалась её личным делом, требовавшим терпения, времени и хозяйственной предусмотрительности. Ничто в событиях минувшего дня не давало оснований предполагать, что позднее старый колодец приобретёт для неё совершенно иное значение.

Глава 4. Первый рабочий день судьи

Тринадцатого сентября 1999 года Филания проснулась раньше будильника. В половине седьмого за окном ещё было темно, а во дворе кто-то с грохотом поднял гаражные ворота. Она пролежала минуту, глядя в потолок, и встала: сегодня ей впервые предстояло войти в суд не посетителем и не работником прокуратуры, а судьёй.

На кухне закипал чайник. Филания открыла записную книжку и поставила дату. Ниже оставила место для дел и фамилий, которых пока не знала. Папку с планом ремонта усадьбы она убрала в ящик ещё накануне: до субботы дом мог подождать.

Вчера она вернулась из Старотальвинского поздно, с пылью на обуви и целым ворохом впечатлений. Сегодня, застёгивая жакет перед зеркалом, поймала себя на том, что снова думает о тетрадях Варвары и тёмном коридоре старого дома. Закрыла чемодан с бумагами, взяла сумку и вышла.

Дорога до суда заняла меньше двадцати минут. У входа уже собрались посетители; двое спорили о том, в какую дверь подавать заявление, пожилая женщина переспрашивала у пристава номер кабинета. Филания пропустила её вперёд и поднялась на второй этаж.

На двери нового кабинета висела табличка: «Судья Ф. А. Лунь». Она остановилась перед ней, проверила, не перепутали ли инициалы, и улыбнулась собственной нелепой мысли. Прежняя работа учила искать слабые места в обвинении. Здесь предстояло слушать всех — особенно тех, с кем хотелось бы немедленно поспорить.

В кабинете ещё пахло свежей краской. Филания поставила сумку на стол, раскрыла блокнот с сегодняшней датой и услышала стук в дверь. Секретарь передала просьбу председателя суда зайти после девяти. Первый рабочий день начался.

По дороге она остановилась возле небольшого газетного киоска. На витрине лежали свежие номера центральных и местных изданий, рядом висело расписание работы. Филания купила районную газету, собираясь вечером познакомиться с городской жизнью, и направилась дальше.

У здания суда уже ожидали посетители. Один мужчина безуспешно пытался засунуть толстую папку в портфель, другой разговаривал с пожилой женщиной, которая всё время переспрашивала, в какой кабинет ей следует обратиться. Филания прошла мимо, поздоровалась с дежурным и поднялась по лестнице.

По коридору прошёл пристав с большой стопкой папок, и Филания посторонилась, пропуская его. Ей ещё предстояло привыкнуть к чужим лицам и именам. Она отметила в записной книжке фамилию нового секретаря и направилась к кабинету председателя.

Пока оставалось несколько минут, Филания сверилась с расписанием на доске объявлений. У дверей зала уже ожидали участники другого процесса: мужчина с забинтованной рукой нервно смотрел на часы, его спутница шептала ему что-то на ухо. Филания не знала их дела, но понимала, что за каждой фамилией здесь стоит не только бумага.

После девяти она зашла к Софье Павловне Нечаевой. Председатель суда сидела за столом и просматривала несколько документов. На её лице не было ни особенной приветливости, ни холодности; она производила впечатление человека, которому некогда заниматься церемониями, но который не считает это основанием для невежливости.

— Садитесь, Филания Аркадьевна. Начнём с организации работы, — сказала Нечаева. — Я понимаю, что вы знакомы с уголовным процессом. Но в суде вам придётся освоить не только рассмотрение дел. Есть канцелярия, секретари, извещения, учёт материалов, составление расписания, взаимодействие с конвоем. Всё это кажется мелочами, пока одна из них не сорвёт заседание.

Филания внимательно слушала. Председатель последовательно объясняла порядок работы, иногда обращаясь к лежавшим перед ней документам. В разговоре не было нравоучительного тона, который Филания так не любила. Нечаева говорила о конкретных обязанностях и обстоятельствах, с которыми сама сталкивалась много лет. Вскоре речь зашла о первых уголовных делах.

— Сегодня ничего в производство не получите. Завтра посмотрите заседание Николая Григорьевича. В среду передадим первое дело, если к тому времени поступившие материалы будут оформлены и распределены. Не потому, что я сомневаюсь в вашей подготовке, а потому, что хочу дать вам хотя бы два дня освоиться.

Филания ответила, что такой порядок её вполне устраивает.

— И не торопитесь доказывать, что справляетесь лучше других, — добавила председатель. — Вы, насколько я поняла по характеристикам, человек самостоятельный. Это хорошее качество, пока самостоятельность не превращается в отказ от вопросов.

Филания едва заметно улыбнулась. Она уже слышала подобные замечания от Бармина и Ратникова. Видимо, за ней действительно закрепилась репутация человека, слишком уверенного в собственных суждениях.

До обеда она знакомилась с работой канцелярии. Валентина Петровна Горохова показывала регистрационные журналы, объясняла порядок движения документов, рассказывала о секретарях и о том, как часто даже простейшая организационная ошибка способна задержать процесс. Филания невольно сравнивала увиденное с привычной работой прокуратуры. Там она получала материалы, уже подготовленные определённым образом, и редко задумывалась, сколько действий потребовалось, чтобы нужный документ оказался у неё на столе.

Во второй половине дня Николай Григорьевич Туманов предложил познакомиться с порядком подготовки дела к рассмотрению. Он не стал читать ей лекцию о процессуальных нормах, а положил перед ней несколько образцов документов и предложил самостоятельно определить, какие вопросы должен выяснить судья.

Филания справилась уверенно, но один из ответов заставил старшего коллегу снять очки.

— Вы сейчас рассуждали как прокурор, — заметил он.

— В каком смысле?

— Вы прежде всего обратили внимание на недостатки обвинения. Это правильно, но судье недостаточно установить, что обвинение составлено неидеально. Нужно определить, какое процессуальное значение имеет обнаруженный недостаток и какое решение допускает закон на данной стадии.

Она собиралась возразить, но остановилась. Николай Григорьевич был прав. Она действительно начала мысленно проверять обвинение так, словно материалы вновь оказались у неё на прокурорском столе.

— Привычка, — призналась Филания. Николай Григорьевич не стал спорить. — Привычки сами по себе не плохи. Главное — вовремя замечать, когда они мешают.

Этот разговор она вспомнила вечером, возвращаясь домой. Весь первый день прошёл без единого судебного заседания, однако Филания устала так, будто провела несколько часов в напряжённом процессе. Пришлось воспринимать десятки новых правил, имен, обязанностей, и за каждой мелочью она видела всё ту же проблему: прежний профессиональный опыт необходимо было не забыть, а научиться применять иначе.

Во вторник она присутствовала на заседании Туманова. Сидела среди слушателей, делала краткие записи и наблюдала за тем, как председательствующий руководит процессом. Особенно заинтересовало её поведение адвоката, который настойчиво возвращался к одному противоречию в показаниях свидетеля. Прокурор заметно раздражался, несколько раз возражал, однако Туманов позволял защитнику продолжать, пока вопросы оставались относимыми к делу.

Позднее Филания призналась старшему коллеге, что на месте прокурора, вероятно, восприняла бы действия адвоката как попытку затянуть разбирательство.

— А теперь? — спросил Туманов.

— Теперь я вижу, что он пытался установить, действительно ли свидетель наблюдал событие или только сделал вывод из увиденного.

— Вот именно. Иногда сторона задаёт неудобный вопрос потому, что хочет выяснить существенное обстоятельство. И судья обязан позволить его выяснить, если вопрос допустим.

Филания подумала, что умение не вмешиваться порой требует большего самообладания, чем умение вовремя задать собственный вопрос. В прокуратуре она привыкла активно добиваться ясности. Теперь предстояло научиться руководить процессом так, чтобы участники могли полноценно выполнить свои функции.

В среду, пятнадцатого сентября, ей передали первое уголовное дело. Три тома лежали на столе возле регистрационных документов. Филания проверила сопроводительные материалы, открыла обвинительное заключение и начала читать. Обвиняемый, Андрей Викторович Климов, подозревался в разбойном нападении на работника торгового предприятия. Потерпевший получил телесные повреждения, денежная выручка исчезла, а следствие считало установленным, что нападение совершил бывший работник той же фирмы.

С первого взгляда материалы напоминали множество дел, с которыми она встречалась прежде. Те же протоколы, свидетельские показания, заключения экспертов, подробное изложение обстоятельств. Но теперь Филания не могла позволить себе привычно искать только сильные и слабые места обвинения. Сначала ей предстояло выполнить собственные процессуальные обязанности, проверить необходимые документы и решить вопрос о назначении судебного заседания.

Она прочитала несколько страниц, вернулась к началу и взяла карандаш. В записях появились фамилии, даты, ссылки на документы и отдельные вопросы, которые следовало проверить. Через два часа Филания обнаружила, что совершенно забыла о времени. Она встала, подошла к окну и некоторое время смотрела на внутренний двор суда. Внизу двое сотрудников разговаривали возле служебного входа, по тротуару прошла женщина с ребёнком. Всё выглядело спокойно, почти буднично.

А за её спиной, на письменном столе, лежало уголовное дело человека, которому грозило длительное лишение свободы. Филания вернулась к документам. Ей предстояло изучить каждый том, проверить подсудность, процессуальные требования и заявленные ходатайства. Затем, если не обнаружатся предусмотренные законом препятствия, назначить разбирательство с соблюдением установленных сроков.

Она достала календарь и начала намечать возможные даты, учитывая занятость залов, необходимость участия народных заседателей и время для надлежащего извещения участников. Пока в её производстве находилось лишь одно уголовное дело. Но уже сейчас было ясно, что вскоре на столе появятся новые папки и придётся планировать работу так, чтобы рассмотрение одного дела не препятствовало движению другого.

Филания записала предварительные даты, оставив их для проверки после окончательного процессуального решения. Расписание она строила с учётом действовавшего тогда правила непрерывности судебного разбирательства: начав слушать одно уголовное дело, тот же состав суда не мог переходить к слушанию другого, пока первое не будет окончено. Поэтому свободные дни между заседаниями нельзя было заполнять чужими процессами — их оставляли для подготовки материалов, оформления документов и других служебных обязанностей. Затем вновь открыла первый том. На этот раз она читала медленнее. Ей хотелось понять не только то, в чём обвиняют Климова, но и какие обстоятельства предстоит исследовать, чтобы суд мог вынести законное и обоснованное решение. Это была совершенно новая степень ответственности. И Филания ещё не знала, насколько трудным окажется её первое испытание.

Глава 5. Первые дела

Цена опознания

Двадцать девятого сентября Филания открыла заседание по делу Андрея Климова. Между первым знакомством с тремя томами и этим утром прошло две недели, которые она запомнила гораздо отчётливее, чем ожидала. Пятнадцатого сентября ей вручили материалы; семнадцатого она вынесла постановление о назначении заседания, проверив подсудность, ходатайства и соблюдение необходимых процессуальных требований. В календаре напротив двадцать девятого числа появилась осторожная надпись: «Климов. Начало — десять часов». Ирина Андреевна Соколова несколько раз сверяла повестки, даты вручения, списки свидетелей и возможность доставки подсудимого из следственного изолятора. Два народных заседателя, Пётр Иванович Серов и Анна Дмитриевна Костина, согласовали своё участие. С самого утра Филания проверила, всё ли готово, хотя давно понимала: сколько ни готовься, первый самостоятельный процесс останется первым.

В коридоре суда Ирина Андреевна остановила Филанию уже у дверей зала. — Филания Аркадьевна, мать подсудимого пришла. Спрашивает, можно ли передать сыну тёплые носки. — Это к конвою, Ирина Андреевна, — ответила Филания и вдруг поняла, как сухо прозвучало её замечание. — Объясните ей, пожалуйста, к кому обратиться. Секретарь кивнула. Филания ещё несколько секунд смотрела на скамью у стены, где маленькая женщина держала свёрток в газетной бумаге. Ей предстояло судить человека, а не его мать, но от этого старуха не переставала ждать решения вместе с ним.

К концу сентября в её производство поступили ещё два дела. Для них требовалось назначить слушания, но Филания пока старалась сосредоточиться на первом процессе. По вечерам читала нормативные материалы, вносила пометки в рабочий календарь и сердито отодвигала блокнот, замечая, что уже второй час размышляет о том, что ещё не происходило. Прежняя работа приучила её мысленно собирать доказательства в стройную цепочку; теперь приходилось сознательно оставлять место для того, что выяснится непосредственно в судебном следствии. Она несколько раз открывала материалы Климова, а затем закрывала, напоминая себе: её обязанность не состоит в том, чтобы заранее угадать приговор.

Потерпевший Сергей Левшин вошёл в зал с перевязанным запястьем. На его лице оставался тонкий рубец у правой брови. Он сел впереди и смотрел на дверь, через которую должны были привести подсудимого. Левшин работал экспедитором торговой фирмы «Орион»; девятнадцатого августа у него похитили сумку с выручкой — тридцать четыре тысячи семьсот двадцать рублей. Нападавший ударил его сзади возле складского проезда. Обвинение утверждало, что преступление совершил бывший работник фирмы Климов: тот знал порядок перевозки денег и незадолго до нападения ссорился с директором из-за невыплаченного расчёта.

Защитницей была Лидия Михайловна Зорина, невысокая женщина с коротко подстриженными тёмными волосами. Она уже сидела за столом, разложив карандаши и листы с аккуратными пометками. Прокурор Геннадий Львович Астахов остановился у окна и что-то перечитывал, шевеля губами. Когда конвой ввёл Климова, Филания заметила, как тот быстро нашёл глазами мать. Она сидела в третьем ряду и не сводила взгляда с сына. Филания отвернулась к документам: семейная беда была очевидна, но её сострадание не могло ни подтверждать, ни опровергать обвинение.

Председательствуя, Филания провела необходимые действия, удостоверилась в явке и личности участников, разъяснила права, выяснила заявления и ходатайства. Голос звучал ровнее, чем она сама ожидала. Только пальцы на мгновение похолодели, когда пришлось впер-

вые произнести слова об открытии судебного заседания. Народные заседатели слушали внимательно, не вмешиваясь. Началось судебное следствие.

Астахов изложил обвинение с той последовательностью, которой Филания прежде сама добивалась от работников прокуратуры. Он называл время, место, похищенную сумму, ссылался на показания потерпевшего и двух свидетелей, видевших похожего мужчину возле складов. Добавил сведения о четырёх тысячах рублей, обнаруженных при обыске у Климова. Слушая, Филания невольно отмечала удачные переходы, а потом одёрнула себя. Она снова оценивала выступление прокурора как коллега, а не как судья.

На вопрос об отношении к обвинению Климов ответил: «Не виновен. С Сергеем Николаевичем я спорил, но не бил его и денег не брал». Допрос подсудимого оказался труднее, чем Филания представляла. Климов раздражался, когда прокурор повторял вопрос о его маршруте, и путал время встречи с заказчиком. Зорина попросила выяснить, кому принадлежал автомобиль, который Климов ремонтировал тем вечером. Астахов заметил, что подсудимый прежде называл другую улицу. «Я неделю после задержания не мог вспомнить, где был в тот четверг, — сказал Климов, обращаясь уже к Филании. — Сейчас всё вспомнил, и выходит, будто я специально вру». Судья предложила отвечать на конкретный вопрос и не спорить с обвинителем. В собственной памяти возник кабинет московской прокуратуры: много раз ей самой не терпелось пресечь подобные объяснения как уход от ответа. Но именно из таких объяснений иногда становилась понятной последовательность событий.

Когда пригласили Левшина, он говорил быстро, с заметным усилием. Он уверял, что узнал Климова по голосу и фигуре, а затем, при повороте нападавшего к фонарю, увидел лицо. Зорина спокойно попросила разрешения обратиться к первоначальным показаниям, данным потерпевшим на больничной койке. В протоколе значилось, что лицо преступника он не разглядел. «Я тогда после удара вообще плохо соображал, — сказал Левшин, крепко ухватившись за край стола. — А потом вспомнил. Почему вы всё время делаете из меня лгуна?» Филания ответила, что никто не ставит перед собой такой цели; необходимо установить обстоятельства, от которых зависит правильное решение. Она видела, как раздражение потерпевшего сменилось растерянностью. Человеку было трудно понять, почему столь важное для него воспоминание подвергается проверке.

Филания дала адвокату закончить вопрос и заметила, что Левшин машинально коснулся рубца возле брови. Потерпевший сердился не столько на Зорину, сколько на саму необходимость вновь и вновь вспоминать ночь нападения. Ему казалось, что суд проверяет не обвиняемого, а его собственную честность. Такое впечатление могло возникнуть у любого человека, столкнувшегося с сомнением в искренних воспоминаниях, и Филания старалась говорить особенно точно.

— Сергей Николаевич, — обратилась она к потерпевшему, когда адвокат закончила, — вас спрашивают не о том, говорите ли вы правду. Суд выясняет, что именно вы видели сами, а что узнали позднее. Это разные обстоятельства. Постарайтесь вспомнить, когда впервые пришли к выводу, что нападавшим был Климов. Не торопитесь.

Левшин выпрямился и взглянул на Климова. — Когда милиционер показал снимок, я подумал: очень похож. А на опознании уже был уверен. — То есть до показа фотографии вы фамилию не называли? — уточнила Зорина. — Не называл, — после паузы признал он. Филания записала ответ почти дословно. Она не знала, сколько в этой уверенности оставалось от непосредственного воспоминания, но теперь понимала, какой именно вопрос придётся оценивать при вынесении приговора.

Зорина уточнила, не показывали ли потерпевшему в тот день другие фотографии. «Нет, одну», — повторил Левшин. «Что именно сказал сотрудник милиции, прежде чем вы посмотрели на снимок?» — «Спросил, не этот ли человек на меня напал». Астахов возразил против немедленного вывода защитницы о ненадёжности опознания, и Филания его поддержала

в той части, что оценку доказательству следует давать после исследования всех обстоятельств. Однако сам ответ занесла в записи особенно подробно. В протоколе последующего предъявления для опознания никакого упоминания о предварительном показе фотографии не было.

«Вы в тот момент уже считали, что напал Климов?» — осторожно спросила Филания. Левшин долго молчал. Затем признался, что услышал фамилию от оперативника, вспомнил прежний конфликт и подумал: «Наверное, он». Лишь позднее ему стало казаться, будто он узнал лицо ещё у складов. Филания не знала, в какой мере потерпевший сейчас честен с самим собой. Она только понимала, что суд обязан отделить непосредственное наблюдение от последующих предположений.

После перерыва допросили сторожа Котова. Он уверенно заявил, что видел Климова недалеко от прохода. Но на вопрос о расстоянии ответил: «Метров сорок, может, больше». Светильник возле ограды работал через один, проезжавший грузовик на несколько секунд закрыл обзор. Костина спросила, какие именно черты лица он различил. Котов поколебался, затем сказал, что лица почти не видел, но знал обвиняемого по походке. Второй свидетель, водитель Дорофеев, тоже ссылался на походку человека в тёмной куртке. «Вы видели, как он забирал сумку?» — спросила Зорина. «Нет. Я видел, как он уходил». Вопрос казался простым, но для Филании его значение было огромным: свидетель наблюдал не преступление, а человека неподалёку.

Заседание отложили для вызова сотрудника милиции, показывавшего фотографию, и свидетеля, которому Климов ремонтировал автомобиль. Вернувшись в кабинет, Филания обнаружила, что руки дрожат от усталости. В прокуратуре она бы теперь начала составлять замечания следователю. Здесь вместо этого аккуратно разложила записи и поручила секретарю подготовить вызовы. Вечером дома ей снова захотелось убедить себя, что дело уже ясно. Но она заставила себя дочитать материалы другого поступившего производства: работа суда не останавливалась из-за её первого впечатления.

Четвёртого октября оперативник подтвердил, что показывал Левшину одну фотографию. «Это же оперативная работа, — объяснил он. — Нужно было проверить версию». Зорина спросила, предупреждал ли он потерпевшего, что изображённый человек может быть непричастен. Свидетель признал, что не предупреждал. Астахов напомнил о других обстоятельствах обвинения. Филания дала сторонам возможность поставить все относимые вопросы, хотя сама всё сильнее ощущала слабость первоначального опознания.

Затем выступил предприниматель, оплативший Климову ремонт машины. Он не помнил точную дату передачи четырёх тысяч рублей, но уверенно подтвердил, что расплатился в августе наличными. В зале кто-то шумно вздохнул, и Филания попросила соблюдать порядок. Ей хотелось спросить, почему следствие придало обнаруженным деньгам значение похищенных, не установив их происхождение. Но вопрос был обращён не к абстрактному следствию: суд должен оценить то, что выяснилось здесь, при участии сторон.

В тот же день Левшин остановил Ирину Андреевну на пороге и спросил, зачем адвокату позволили спрашивать об одной фотографии столько раз. Секретарь не стала отвечать за суд. Когда Филания узнала об этом, ей вспомнилось, как сама она в прокуратуре сердито ждала, пока защитник закончит, по её мнению, очевидно бесполезную проверку. Сейчас бесполезной оказалась совсем другая вещь — уверенность следствия, что потерпевший наверняка не ошибся.

На следующий день завершили исследование доказательств. В прениях Астахов, не повышая голоса, признал спорность опознания, но утверждал, что совокупность показаний, мотив и обнаруженные деньги достаточны для обвинительного вывода. «Даже ошибка при опознании, — сказал он, — не исключает объективных обстоятельств, указывающих на подсудимого». Зорина поднялась после него и начала не с нападения, а с четырёх тысяч. «Ни одна купюра не опознана как похищенная. Нахождение человека на улице не доказывает нападения. А уве-

ренность потерпевшего появилась после того, как ему назвали подозреваемого». Она говорила почти негромко, заставляя слушать каждое предложение. «От подозрения до приговора существует расстояние. Обвинение его не преодолело».

Климов в последнем слове попросил не осуждать его за прежнюю судимость: «Я уже отвечал за то, что сделал тогда. За это — не должен». После его слов Филания вдруг вспомнила, как молодой прокурор однажды сказал при ней: «Такой человек всё равно когда-нибудь сорвётся». Она тогда возразила, что прошлое преступление не является доказательством нового. Сейчас этот принцип переставал быть предметом профессионального спора и становился судьбой человека перед ней.

В совещательной комнате Серов долго разглядывал записи. «Не нравится мне Климов, — признался он. — Слишком уж путается. Но из-за этого ведь нельзя сказать, что он напал». Костина задумчиво добавила, что потерпевший, вероятно, действительно верит своим воспоминаниям. «Вопрос только, откуда эти воспоминания взялись». Филания не торопила заседателей. Они обстоятельно обсудили каждый источник доказательств, а затем пришли к единому мнению: участие Климова в нападении не доказано. Приговор требовал аккуратной мотивировки; нельзя было оставлять в тексте выражений, будто подсудимый, возможно, виновен, но ему просто повезло.

Когда дверь совещательной комнаты открылась, разговоры в зале оборвались. Филания вошла первой; за нею появились народные заседатели. Все поднялись, и состав суда тоже остался стоять. В руках у Филании находился подписанный приговор. Прежде чем начать, она посмотрела на Климова. Тот стоял напряжённо, вцепившись пальцами в край ограждения. Рядом с защитницей на столе лежал карандаш, сломанный пополам ещё во время прений. Филания заметила это совершенно ненужное обстоятельство и мысленно рассердилась на себя: сейчас следовало думать не о карандаше, а о словах, которые она должна произнести.

Она прочитала вводную и мотивировочную части, изложила, какие обстоятельства суд установил, почему не признал достоверным опознание после предварительного показа единственной фотографии и отчего другие доказательства не устраняют сомнений в причастности подсудимого. Голос вначале казался Филании чужим, слишком ровным. Постепенно она перестала прислушиваться к себе и сосредоточилась на тексте. Дойдя до резолютивной части, она произнесла особенно отчётливо: «Климова Андрея Викторовича по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, оправдать за недоказанностью его участия в совершении преступления. Меру пресечения в виде заключения под стражу отменить. Освободить из-под стражи немедленно, в зале судебного заседания».

Климов не двинулся с места. Лишь когда конвоир открыл ограждение, он словно услышал смысл сказанного и посмотрел на мать. Та плакала, прижав ладони ко рту. Левшин резко поднял голову. «Значит, меня никто не грабил?» — спросил он так громко, что секретарь вздрогнула. Филания дала ему закончить и ответила: «Нападение установлено, Сергей Николаевич. Но суд не вправе признать виновным человека, участие которого не доказано. Порядок обжалования приговора вам будет разъяснён». Ей нечем было утешить потерпевшего. В тот вечер она впервые почувствовала, что законное решение вовсе не обязано оставлять у всех присутствующих чувство справедливости.

Убийство в мастерской

Шестого октября Филания открыла второе судебное разбирательство — об убийстве в слесарной мастерской. Вместе с ней дело рассматривали народные заседатели Михаил Андреевич Ракитин и Лариса Петровна Зуева. Материалы поступили, пока готовился приговор Климову; новое слушание назначили после завершения предыдущего. Теперь её беспокоило другое: во всём деле имелся единственный очевидец того, что произошло уже после смертельного удара, и никто не мог уверенно сказать, как началась ссора.

Погибшего звали Владимир Пахомов. Он восемь лет работал рядом с Олегом Мартыновым, обвиняемым в умышленном убийстве без квалифицирующих признаков. Несколько свидетелей называли их друзьями, другие говорили, что последнюю неделю мужчины едва здоровались: спорили о деньгах за выполненный заказ. Вечером мастерская опустела. Сторож услышал шум, вошёл и увидел Пахомова на полу, а Мартынова — возле верстака с кухонным ножом в руке. Сам Мартынов вызвал милицию, не пытался скрыться и признал, что ударил товарища. Но утверждал, что защищался от нападения с металлической трубой.

Перед началом заседания Филания увидела вдову погибшего. Та держалась прямо, сжимая чёрную сумочку так, что побелели пальцы. Обвиняемый, крепкий седоватый мужчина, всё время смотрел в пол. Филания подумала, что здесь, в отличие от первого дела, спор идёт не о личности человека, нанёсшего удар. Спор — о том, что произошло в несколько секунд перед ним, и какую правовую оценку это допускает. Ей было страшно легко принять трагический результат за готовое объяснение всех предшествующих действий.

Ракитин, ещё недавно шутливо сравнивавший судебные папки с заводскими нарядами, сегодня сидел необычайно прямо. Зуева тихо перелистывала блокнот. Пока секретарь докладывала о явке свидетелей, Филания заметила, что Мартынов украдкой смотрит не на прокурора, а на место, где сидела вдова Пахомова. Женщина не отвечала ему взглядом.

После оглашения обвинения Мартынов встал. «Убивать его не хотел, — сказал он. — Мы ругались. Он схватил трубу, я взял нож. Сам не понимаю, как получилось». Астахов спросил, почему после первого удара обвиняемый не отошёл к двери. Мартынов ответил, что не помнит. Защитник показал схему мастерской: между верстаком и дверью находились тяжёлые станки, а проход был узким. «Там можно было отступить?» — спросила Филания. «Мог, наверное. Только я в тот момент не считал шаги». Судья записала ответ. Профессиональная привычка заставляла её искать точную реконструкцию, но человек во время драки редко способен сохранять хронометраж.

Мартынов говорил об ударе без деталей, но слово «нож» произносил едва слышно. — Вы его взяли со стола или держали до ссоры? — спросил прокурор. — Со стола. — С какой стороны лежал? Мужчина показал рукой, потом замер. Он уже не помнил. Филания отметила эту нерешительность, но не придала ей готового смысла: забывчивость может быть и следствием пережитого, и способом уйти от ответа.

— Олег Сергеевич, вы вправе изложить свою версию, — сказала она подсудимому. — Но сначала ответьте на вопрос: в какой момент вы увидели трубу у Владимира Пахомова? До того, как взяли нож, или после? Мартынов открыл рот и снова закрыл. — До. Кажется, до. — Вы не уверены? — Я испугался. Не могу поклясться в каждой секунде. Филания не стала торопить его и предложила описать последовательность действий с самого начала, без догадок о том, что могло произойти.

Сторож объяснил, что услышал грохот, затем короткий крик. Когда он вошёл, труба лежала в двух шагах от погибшего. «Вы видели, как Пахомов держал её?» — спросила защитница. «Нет». «Вы видели удар ножом?» — «Тоже нет». Прокурор уточнил, что Мартынов стоял рядом и никого другого в помещении не было. Свидетель подтвердил. Филания заметила, как

из нескольких несомненных фактов стороны выводят разные предположения о нескольких невиденных секундах.

Вызванный эксперт говорил размеренно, почти сухо. Он показал расположение раневого канала на схеме и объяснил, что повреждение совместимо с ударом в направлении сверху вниз при близком расположении людей. Однако определить, держал ли погибший трубу в тот самый момент, медицина не позволяет. Астахов попытался выяснить, свидетельствует ли глубина ранения о сильном намеренном ударе. Эксперт ответил, что физическая сила удара и психическое отношение человека к результату — не одно и то же, и от последнего вопроса он обязан воздержаться. Филания мысленно поблагодарила его за точность. Она вспоминала молодых следователей, которые добивались от специалиста «окончательного ответа», хотя такой ответ просто не входил в предмет экспертизы.

Затем допросили мастера смены, который за несколько дней до убийства пытался примирить товарищей. Оказалось, что недостающие деньги касались заказа, выполненного в выходной день, а никакого письменного расчёта между Пахомовым и Мартыновым не существовало. «Я им сказал: посчитайте всё по-человечески, — объяснял свидетель. — Они оба вспыхнули. Володя тогда бросил, что больше с Олегом работать не будет». Прокурор спросил, произносил ли кто-нибудь угрозы. «Про суд говорили. Про милицию. Что убьют — не слышал». Филания мысленно отметила, как легко обычную бытовую резкость задним числом объявить подготовкой к убийству, если уже известен трагический конец.

Защитник попросил исследовать следы на металлической трубе. Из протокола осмотра следовало, что труба лежала под стеллажом, а на ней имелись отпечатки рук нескольких работников. «Есть следы именно Пахомова?» — спросил Веденин. Эксперт-криминалист объяснил, что пригодных для индивидуального сопоставления следов не получили. «То есть вы не можете подтвердить, что он держал трубу перед ранением?» — «И не могу исключить этого по результатам данного исследования». Прокурор возразил против попытки представить отсутствие следов как подтверждение версии защиты. Филания напомнила, что обе стороны вправе оценивать доказательство в прениях, а сейчас важно точно зафиксировать пределы заключения.

После перерыва Мартынов попросил дополнить показания. В момент ссоры, сказал он, Пахомов ударил ладонью по верстаку и схватил трубу с пола. «Почему раньше вы говорили, что она лежала сверху?» — спросил прокурор. Мартынов растерянно посмотрел на адвоката. «Я не помню, как именно сказал. Я помню саму трубу». Филания не стала уличать его в непоследовательности интонацией. Она перечитала первоначальное объяснение и предоставила сторонам возможность уточнить расхождение. В ней всё ещё жил прокурор, которому хотелось немедленно нажать на такую неточность. Но судья должна была не нажимать, а исследовать.

В зале стало душно. Вдова Пахомова попросила открыть форточку; секретарь подошла к окну. Мартынов сидел, не поднимая головы. Филания заметила, как каждая новая подробность о многолетней дружбе усиливает впечатление трагической нелепости. На секунду ей захотелось спросить, нельзя ли было просто разойтись, дать друг другу остыть. Она удержалась. Такой вопрос не помог бы установить обстоятельства, зато превратил бы суд в человека, который задним числом учит погибшего и обвиняемого жить правильно.

Когда исследование доказательств подходило к концу, Зуева попросила вновь показать схему расположения ножа и трубы. Филания предложила сторонам высказать мнение о необходимости дополнительного допроса эксперта. Прокурор возражал, но защитник поддержал просьбу. Суд вернулся к заключению эксперта и огласил соответствующий фрагмент, не приписывая специалисту выводов о том, кто первым напал.

Зорина в этом деле не участвовала; защитником Мартынова был адвокат Борис Веденин, высокий мужчина с тяжёлым голосом. В прениях он построил выступление на двух обстоятельствах: труба действительно находилась возле погибшего, а обвиняемый сразу заявил о нападении. Прокурор противопоставил этому показания о затяжной ссоре, положение ножа

и слова самого Мартынова, который сначала утверждал, что труба была поднята над головой Пахомова, а позднее говорил, что видел её у бедра. «Не всякое слово подсудимого объясняется страхом, — заметил Астахов. — Некоторые слова объясняются стремлением избежать ответственности». Филания подумала: прокурор прав в том, что версии следует проверять, но недоказанная ложь не может автоматически стать доказательством противоположной версии.

В совещательной комнате возник спор. Ракитин считал, что человек, увидевший трубу, мог испугаться. Зуева замечала, что страх не объясняет всех деталей удара. Филания предложила отделить установленное от предполагаемого: наличие трубы не равнялось доказанному нападению; вместе с тем обвинению следовало доказать все существенные обстоятельства, а не только причинение смерти. Они вернулись к показаниям о положении участников и к заключению эксперта. Несколько раз Филания ловила себя на желании направить заседателей к собственному выводу более настойчиво, чем требовалось, и сознательно задавала им открытые вопросы.

В конечном счёте состав суда не нашёл подтверждения версии необходимой обороны, но учёл характер внезапно возникшей ссоры и данные о личности обвиняемого при оценке доказательств и наказания. Мартынова признали виновным в умышленном убийстве. Филания не стала называть количество лет в личных заметках: её мучил не срок, а несколько секунд, которых не видел никто, кроме двух участников, один из которых был мёртв. После оглашения вдова Пахомова сказала в коридоре своей спутнице: «И всё-таки его уже не вернуть». Филания услышала эту фразу случайно. Она возвращалась к ней вечером, когда пыталась объяснить себе, почему обоснованное решение не приносит облегчения даже тому, кто настаивал на наказании.

После последнего слова Мартынова состав суда удалился для постановления приговора. В совещательной комнате ещё раз обсудили границы версии о необходимой обороне и обстоятельства назначения наказания. Когда приговор был подписан, Филания первой вышла в зал. За дверью она увидела вдову Пахомова: та осторожно разглаживала на коленях чёрную сумочку, будто только это движение помогало ей не расплакаться.

«Мартынова признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначить ему наказание в виде восьми лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима», — произнесла она, дойдя до резолютивной части. В последующих строках были решены вопросы о мере пресечения и зачёте времени содержания под стражей, но Мартынов, кажется, услышал только число. Он медленно опустил голову. Вдова Пахомова не изменилась в лице. Только после окончания оглашения повернулась к женщине, пришедшей вместе с нею, и спросила шёпотом, который всё-таки достиг Филании: «А Володю кто вернёт?»

Филания не ответила на вопрос вдовы. Не было слов, которые могли бы вернуть Пахомова или сделать назначенные восемь лет понятной мерой его утраты. Когда зал опустел, она задержалась возле стола и заметила на краю листа пятнышко от пролитой воды. Весь день она следила за тем, чтобы не ошибиться в статьях закона; теперь почему-то не могла отвести взгляд от этой бесполезной мелочи.

Двое у склада

Для рассмотрения нападения на склад были вызваны народные заседатели Семён Николаевич Дроздов и Надежда Степановна Орлова. Четырнадцатого октября слушание не началось по существу: одного из двух подсудимых не доставили по болезни. Секретарь успела предупредить явившихся свидетелей, и Филания назначила новую дату с учётом необходимых извещений. Само судебное следствие началось двадцатого октября.

Двадцатого октября кассир Людмила Колчина вошла в зал за несколько минут до начала слушания. Почти двенадцать лет она работала на оптовом складе и привыкла закрывать кассу последней. В тот вечер в помещении появились двое мужчин в рабочих куртках: один направил в её сторону нож и приказал не кричать, второй собрал деньги и ключи от сейфа. Позднее их нашли на старой автодороге. Филания начала не с вопроса о том, узнала ли Колчина подсудимых, а попросила её восстановить порядок действий каждого.

«Он сказал, что надо забрать своё, — объяснял Плаксин. — Я подумал, долг. Я сидел в машине». Прокурор спросил, почему тогда подсудимый помогал пересчитывать деньги после возвращения. «Не пересчитывал я. Он положил пакет на сиденье, я смотрел». Зорина, защищавшая Плаксина, уточнила: где находился её подзащитный в момент угрозы ножом? Колчина ответила, что второго человека видела мельком, когда тот стоял у двери. «У него в руках был нож?» — спросила адвокат. «Нет. Нож был у того, который на меня пошёл».

Филания заметила, как легко обстоятельства, относящиеся к одному человеку, становятся в прокурорской речи общими для обоих. Обвинение в предварительном сговоре требовало особого внимания к действиям каждого, а не к близости двух знакомых. Она дала слово свидетелю, видевшему машину до нападения. Мужчина рассказал, что она стояла за зданием с выключенными фарами, а оба обвиняемых некоторое время ожидали появления кассира. Зорина попросила указать место, откуда свидетель наблюдал. Оказалось, что часть площадки была закрыта воротами и он не мог видеть лица пассажира. Филания занесла эту оговорку в свои записи.

Вторым свидетелем был кладовщик, слышавший разговор подсудимых за день до преступления. «Они говорили: завтра вечером деньги будут», — произнёс он. Прокурор сразу спросил, кому принадлежали эти слова. Кладовщик замялся: «Кажется, обоим». «Как двум людям могут принадлежать одни слова?» — негромко уточнила Филания. Мужчина смутился и признал, что говорил Гладышев, а Плаксин стоял рядом. Он не слышал ответа Плаксина. Для обвинения эта подробность была неудобной, для защиты — полезной, но сама по себе ничего не решала.

Орлова наклонилась к собственным записям. В перерыве она призналась Филании, что не ожидала услышать от кассира столько подробностей о ключах и ящиках: её больше занимал нож. — Я тоже сначала смотрела на нож, — сказала Филания. — Но распределение ролей иногда видно именно по мелочам. — То есть вы уже уверены? — Нет. Просто знаю, на что теперь смотреть. Орлова помолчала и больше не спрашивала.

Во время перерыва Колчина попросила у секретаря стакан воды. Руки у неё дрожали, хотя судья обращалась с ней спокойно. Филания случайно увидела женщину через приоткрытую дверь и вспомнила, как в прокуратуре однажды попросила потерпевшего «не волноваться» посреди сложного допроса. Тогда пожилой мужчина ответил: «Я бы рад, только у меня в голове всё время тот нож». С тех пор она старалась не давать людям бессмысленных советов о чувствах. Достаточно было обеспечить порядок и не превращать их переживания в зрелище.

После обеда суд исследовал осмотр автомобиля. На полу возле заднего сиденья были обнаружены волокна упаковочного мешка, похожего на тот, в который складывали выручку. Защитник Плаксина сразу спросил эксперта, можно ли установить происхождение волокон

от конкретного мешка. «Такого индивидуального вывода исследование не даёт», — ответил специалист. Астахов попросил подтвердить сходство по установленным признакам. «Сходство есть». Филания отметила обе части ответа: обвинение не вправе превращать сходство в тождество, защита — делать вид, будто сходства вовсе нет.

Колчина снова вышла к свидетельскому месту. Зорина попросила её описать, где находился второй мужчина, пока первый угрожал ножом. Потерпевшая закрыла глаза, стараясь вспомнить. «Возле двери. Он вначале открыл её шире, чтобы тот с пакетом прошёл. Потом я услышала двигатель». — «Вы утверждаете, что он помогал убежать?» — «Я говорю, что видела». В этот момент Филания почувствовала уважение к женщине. Она могла бы легко сказать то, что помогло бы обвинению, но отказывалась выходить за пределы собственных наблюдений.

К концу судебного следствия обнаружились документы, подтверждавшие подготовку нападения: Гладышев заранее раздобыл сведения о времени закрытия кассы, а Плаксин в тот же день оставил свою обычную работу раньше, чтобы забрать машину. Важнее всего оказались собственные первоначальные объяснения Плаксина о том, что он заранее знал о намерении «припугнуть» кассира и получить деньги. Позднее он объяснял эти слова давлением, однако проверка обстоятельств их получения не подтвердила заявленного принуждения. Филания тщательно следила, чтобы прежнее объяснение не подменяло собой остальные доказательства.

В прениях Астахов настаивал, что общность намерений подтверждается не присутствием Плаксина рядом с Гладышевым, а подготовкой, поведением во время нападения и последующим распоряжением деньгами. Зорина отвечала, что её подзащитный действительно участвовал в поездке, но это ещё не доказательство согласия на вооружённый разбой. «Знание о чужом намерении и собственное участие — разные вещи», — сказала она. Прокурор возразил, что в данном случае имеются доказательства не одного знания, но и конкретных согласованных действий.

В совещательной комнате Орлова вновь вернулась к тому, что кассир не видела ножа в руках Плаксина. Дроздов напомнил о подготовительной поездке и распределении ролей. Филания предложила обсуждать участие каждого отдельно: наличие ножа у одного не означало, что второй непременно не знал о вооружённом нападении. Но и одно соседство с преступником не делало человека соучастником. Лишь сопоставив предварительную договорённость, действия возле кассы и последующий раздел денег, состав суда пришёл к единому выводу.

Когда они вернулись в зал, Колчина с трудом поднялась со скамьи. Филания прочитала мотивы, которыми суд отверг утверждение Плаксина о случайной поездке, затем назвала решение: «Гладышева и Плаксина признать виновными в совершении разбоя группой лиц по предварительному сговору, предусмотренного частью второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации». Она перевела взгляд на следующую строку. «Гладышеву назначить восемь лет лишения свободы, Плаксину — семь лет лишения свободы, каждому с отбыванием в исправительной колонии строгого режима и с конфискацией имущества». Слова о разных сроках прозвучали в зале особенно явственно. Суд не смешивал ответственность двоих, хотя они действовали вместе.

Гладышев дёрнул плечом, будто хотел что-то сказать, но удержался. Плаксин уставился в пол. Колчина осторожно села, не выпуская из рук носового платка. Филания закончила оглашение и разъяснение порядка обжалования. Уже вечером, вспомнив их лица, она написала в блокноте: «Не переносить вину одного человека на другого — даже если они сидят рядом на скамье подсудимых».

Уже после оглашения приговора, проходя мимо пустеющего коридора, Филания услышала замечание Астахова, сказанное другому сотруднику: «Не такие уж они неопытные, как изображали». Она не ответила. В этом деле виновность обоих была установлена не по впечат-

лению от их поведения, а после проверки подготовки нападения, показаний кассира и обстоятельств раздела денег.

За закрытыми дверями

В конце октября Филании предстояло рассмотреть дело Елены Вороновой. Вместе с ней заседали Валерий Фёдорович Антонов и Зоя Михайловна Егорова. Слушание назначили на двадцать восьмое октября, а при необходимости продолжения — на ближайший рабочий день. В материалах было много подробностей, которые легко превратить в повод для нескромного любопытства. Филания ещё дома решила: ни один вопрос не должен звучать лишь ради того, чтобы заставить потерпевшую оправдываться за свою личную жизнь.

Перед заседанием Елена сидела в пустом коридоре и крепко держала пальцами сложенный носовой платок. Защитник о чём-то негромко разговаривал с Дёминым. Филания видела эту сцену лишь несколько секунд, проходя в служебную часть здания, но почему-то запомнила и платок, и то, как потерпевшая отвела взгляд от двери зала. Ей не хотелось сочувствием заранее подтвердить обвинение. В то же время она понимала: само участие в процессе для Елены будет испытанием, и суд обязан не усугубить его бесцеремонностью.

Дёмин заявил, что они с Еленой давно нравились друг другу, а заявление возникло после ссоры. «Она потом обиделась, — объяснял он, глядя на Филанию, — потому что я сказал, что жениться не собираюсь». Прокурор попросил назвать время и обстоятельства этой беседы. Дёмин ответил уверенно, но ошибся в дате, а затем поправился. Защитник заметил, что точный день разговора не является определяющим. Филания согласилась, что следует выяснять лишь обстоятельства, относящиеся к предъявленному обвинению.

Потерпевшая начала говорить тихо. Она рассказала, как Дёмин предложил проводить её после встречи у знакомых, как на пустой улице стал настойчиво обнимать и, получив отказ, повёл себя агрессивно. Елена несколько раз останавливалась; Филания не перебивала её и давала время восстановить последовательность. Когда защитник спросил, почему она не обратилась в милицию сразу, женщина побледнела. «Я боялась рассказать матери. А ещё думала, что мне никто не поверит, потому что мы были знакомы». Филания предложила адвокату уточнять факты без повторения уже полученного ответа. Тот не спорил и перешёл к другим вопросам.

Несколько раз Елена обрывала фразу на полуслове, и в зале становилось слышно, как щёлкает ручка секретаря. Филания предложила ей воды. Девушка отрицательно покачала головой, потом вдруг попросила: — Можно я не буду повторять то слово, которым он меня назвал? — Вы можете рассказать так, как вам легче, — ответила судья. — Если значение слов окажется важным для дела, мы вернёмся к этому вопросу. Она не обещала невозможного, но и не требовала от потерпевшей немедленно пережить всё заново.

Когда защитник начал расспрашивать Елену о том, как она одевалась на встречу со знакомыми, Филания не перебила его сразу. Она попросила объяснить, какое обстоятельство предъявленного обвинения он собирается выяснить. Вопрос о прежних отношениях потерпевшей с Дёминым мог быть относимым к делу. Намёки на её характер и привычки — нет.

— Меня интересует, бывали ли они вдвоём без других знакомых, — пояснил адвокат. — Тогда спрашивайте об этих встречах, — сказала Филания. — Не о том, как, по вашему мнению, должна вести себя женщина. Защитник чуть покраснел и сформулировал новый вопрос. Елена ответила, не поднимая головы; Филания заметила, что платок у неё в пальцах уже совсем смялся.

На этом заседании Филания особенно остро почувствовала собственную прокурорскую привычку. Раньше ей хотелось бы немедленно узнать, чем подтверждаются слова потерпевшей. Теперь она следила и за тем, чтобы проверка доказательств не превращалась в оценку нравственности человека. Ей вспомнился молодой следователь, который однажды назвал подозрительным отсутствие слёз у потерпевшей на допросе. «А где в кодексе написано, что она должна

плакать?» — спросила тогда Филания. Следователь обиделся. Сейчас ей стало ясно, насколько легко подобные предубеждения способны проникнуть в судебную оценку, если их вовремя не остановить.

Свидетельница, к которой Елена пришла через несколько часов после случившегося, подробно описала её состояние и первые слова. «Она не пересказывала мне всё, — сказала женщина. — Села, попросила воды и сказала, что он её заставил». Защитник спросил, видела ли свидетельница само событие. «Конечно, нет». Филания записала оба ответа: свидетельница могла подтвердить время обращения и состояние Елены, но не непосредственные обстоятельства насилия. Именно с этой границей и следовало обращаться осторожно.

Эксперт огласил выводы по медицинским документам и ответил на вопросы. Он подчеркнул, что отдельные обнаруженные повреждения согласуются с описанием применения физической силы, но сами по себе не позволяют установить все обстоятельства события. Прокурор спросил о возможном времени их образования; эксперт указал допустимый интервал. Филания отметила, что Астахов не пытался заставить специалиста утверждать больше, чем он знал. Она привыкла уважать эту профессиональную сдержанность независимо от того, чью позицию она поддерживает.

Перед продолжением слушания Филания попросила секретаря проверить, все ли извещения вручены и нет ли среди ожидающих посторонних. Разбирательство велось в закрытом заседании; у двери стояли двое любопытных, пришедших, по их собственным словам, «послушать». Ирина Андреевна спокойно попросила их отойти. Филания почувствовала облегчение: закон защищал потерпевшую не только словами, но и вполне конкретной закрытой дверью.

Когда разбирательство продолжилось первого ноября, защита попросила допросить знакомого, видевшего Елену и Дёмина вместе за несколько дней до случившегося. Свидетель вспоминал, что они смеялись и разговаривали спокойно. — Вы видели их в тот вечер, когда произошло преступление? — спросил прокурор. — Нет. Я же сказал: раньше. Филания позволила сторонам уточнить обстоятельства встречи, но не стала принимать прежнюю приветливость за доказательство согласия на последующие действия.

После показаний Елены защитник просил сделать короткий перерыв. Филания обсудила ходатайство со сторонами, и состав суда объявил перерыв для отдыха. В коридоре Елена сидела рядом с матерью, глядя в пустую бумажную чашку. Мать что-то шептала ей, но девушка не отвечала. Филания прошла мимо и не остановилась: ей не хотелось, чтобы потерпевшая чувствовала необходимость объяснять своё состояние ещё и судье.

Выступавшая позже врач рассказала не только о повреждениях, но и о времени обращения Елены за помощью. «Вам потерпевшая описывала обстоятельства их возникновения?» — спросил прокурор. «Да, в пределах, необходимых для оказания помощи». Защитник попросил процитировать соответствующую запись. При сопоставлении документов оказалось, что первоначальное сообщение было короче позднейшего подробного рассказа. Яковлев назвал это изменением версии. Филания предложила уточнить, содержалось ли в первой записи утверждение, противоречащее последующим показаниям, или просто отсутствовали детали, о которых врач не спрашивала. Эта разница оказалась существенной.

Незадолго до прений Филания поймала себя на мысли о собственном возрасте. Она была всего на шесть лет старше потерпевшей и значительно моложе её матери. Сможет ли та принять решение, вынесенное человеком, которого могла бы считать ровесницей младшей дочери? Филания сердито отодвинула вопрос. Возраст и внешний вид судьи не должны становиться доказательством компетентности или некомпетентности. Значение имело то, как проведено разбирательство и на чём основан приговор.

В прениях прокурор связал показания Елены с обстоятельствами её обращения за помощью, медицинскими документами и противоречиями в объяснениях Дёмина. Адвокат возражал, что обвинение чрезмерно зависит от слов одного человека, а некоторые действия подсуди-

мого допускают иное истолкование. Елена сидела неподвижно, не поднимая глаз. В последнем слове Дёмин повторил, что не применял насилия, и попросил суд поверить ему.

В совещательной комнате Антонов первым признал, что ему тяжело обсуждать интимные обстоятельства. Егорова сказала, что не следует прятаться за неловкостью, когда необходимо оценивать доказательства. Филания предложила вернуться к конкретным противоречиям: что подтверждено, какие сведения получили независимое подтверждение, какие доводы защиты остались без опровержения. Их обсуждение не было коротким. Особенно долго они разбирали показания о времени обращения Елены за помощью и значение повреждений, описанных экспертом.

После прений и последнего слова Дёмина состав суда удалился для постановления приговора. Оглашение состоялось публично, но Филания не стала повторять интимные подробности, которые требовались для закрытого судебного следствия. Все поднялись. Она прочитала вводную и необходимую мотивировку, затем перешла к резолютивной части.

В резолютивной части Филания произнесла: «Дёмина признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 131 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначить наказание в виде пяти лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима». Дёмин впервые за всё заседание перестал смотреть на адвоката. «Пять лет?» — переспросил он негромко, словно хотел убедиться, что не ослышался. Защитник коснулся его локтя и попросил выслушать приговор до конца. Филания продолжила чтение, а затем разъяснила порядок его обжалования.

Дёмин молчал, уставившись на край стола защитника. Елена дошла до двери, где ждала мать; та обняла дочь осторожно, словно боялась причинить боль. Филания видела это краем глаза и не стала задерживать взгляд. Приговор устанавливал уголовную ответственность. Он не мог вернуть потерпевшей августовский вечер, которого она теперь боялась даже вспоминать.

Драка возле гаражей

Второго ноября Филания приступила к рассмотрению дела о тяжком вреде здоровью, причинённом возле гаражей на Заречной улице. В состав суда вошли народные заседатели Евгений Иванович Беляев и Татьяна Николаевна Лапшина. Потерпевший Виктор Носов после травмы передвигался с тростью; обвиняемый Константин Рябов пришёл в зал без конвоя. С порога было видно, что оба ненавидят друг друга, и Филания мысленно запретила себе выбирать между ними по одному только этому впечатлению.

Они поссорились из-за денежного долга. Носов уверял, что Рябов поджидал его у гаражей; Рябов утверждал, что встреча была случайной. После словесной перепалки один ударил другого, оба потеряли равновесие, и Носов упал у бетонного бордюра. Приехавшая «скорая» увезла потерпевшего с тяжёлой черепно-мозговой травмой. В обвинительном заключении говорилось, что Рябов сначала ударил его кулаком, затем, когда тот упал, нанёс ногой удар по голове. В материалах имелись показания свидетеля, видевшего лишь последние секунды драки, и заключение эксперта, не содержавшее столь однозначного описания механизма травмы.

В зале Носов говорил громко. Его раздражало уже то, что подсудимый сидит рядом с защитником, а не находится под конвоем. Когда прокурор попросил изложить события, он поднял трость и показал на Рябова. — Вот из-за него я теперь так хожу. И ещё меня спрашивают, сколько раз он ударил! Разве я обязан считать удары, когда падаю? Филания выждала, пока потерпевший опустит трость. — Никто не требует от вас невозможного, Виктор Семёнович. Расскажите то, что помните. Если какого-то момента не видели, так и скажите. — Но я знаю, что он бил меня! — Сам факт удара Константин Игоревич не отрицает. Суд выясняет остальные обстоятельства.

Адвокат Рябова попросил уточнить, с какой стороны стоял бетонный бордюр. Носов сначала показал вправо, затем, посмотрев на схему, указал влево. — Вы опять хотите выставить меня лжецом? — резко спросил он. Защитник ответил, что намерен установить положение людей в момент падения. Филания остановила начинавшийся спор и предложила свидетелю спокойно посмотреть на схему, без подсказок со стороны обвинения и защиты. Разница в направлениях казалась мелочью, но от неё зависело, мог ли затылок Носова удариться о выступ бордюра.

Филания помнила из прокуратуры, как следователи иногда настаивали на подробностях, которых очевидец не мог знать. В таком случае протокол становился аккуратнее, но не обязательно точнее. С другой стороны, ссылка обвиняемого на невнимательно подписанный документ могла быть и удобной защитной версией. Она не позволила себе выбрать объяснение заранее.

Очевидца, электрика Савелия Игнатьевича Фокина, допрашивали почти час. Он находился в двадцати метрах от гаражей и видел, как Носов падает. На предварительном следствии Фокин сказал, что после падения «Рябов сделал движение ногой». В суде он пояснил, что за припаркованным фургоном нижняя часть фигур была скрыта. — Вы видели, куда пришёлся удар? — спросила адвокат. — Нет. Я видел, что нога двинулась. — Мог он сделать шаг, чтобы не упасть? — Мог. Я не берусь утверждать. Прокурор напомнил свидетелю его прежние слова, но Фокин не отказался от уточнения. — Тогда мне показалось, что ударил. Сейчас вы спрашиваете, что я видел. Я видел движение.

Фокин снял очки, протёр их уголком рубашки и снова надел. — Я видел падение, — повторил он. — А вот удар головой… Там машина загораживала. Филания почувствовала облегчение от этих слов и тут же рассердилась на себя. Ей не полагалось радоваться ответу, который разрушал обвинение или помогал защите. Ей полагалось только точно его услышать.

На следующем заседании эксперт, врач с усталым внимательным лицом, разложил перед составом суда схему повреждений. Прокурор хотел получить подтверждение удару ногой; защита — уверенность в падении на бетон. Но эксперт не поддержал ни одну из категорических версий. — Травма могла возникнуть при ударе о твёрдый выступающий предмет, — объяснил он. — Отдельные признаки допускают удар обувью, однако достоверно установить конкретный механизм только по характеру повреждений я не могу. Филания попросила пояснить, какие именно выводы основываются на медицинских признаках, а какие зависят от описания события свидетелями. Эксперт чётко разделил одно и другое.

Во время перерыва Беляев негромко заметил, что в цехе ему доводилось видеть падения с высоты всего человеческого роста, заканчивавшиеся страшными травмами. Филания ответила, что житейская память о похожих случаях может подсказать вопрос, но не заменить исследованное заключение. — Я и не собираюсь вместо врача диагноз ставить, — проворчал заседатель. — Просто не хочу, чтобы человека судили за пинок, которого никто толком не видел. Эти слова она запомнила.

После перерыва защита просила вызвать работника гаражного кооператива, который наутро фотографировал повреждённый бордюр для ремонта. Прокурор возражал: фотография сделана после происшествия и не доказывает положения Носова. Филания выслушала объяснения и удовлетворила ходатайство в той части, в какой снимки помогали установить устройство места, а не реконструировать по ним не наблюдавшееся событие. Свидетель принёс обычные бумажные фотокарточки, проявленные в городском фотоателье. На одном снимке хорошо виднелся острый край бетонного блока. Но и здесь Филания не допускала подмены: существование края не доказывало, что пострадавший ударился именно о него.

В прениях государственный обвинитель говорил о нанесённом Рябовым ударе, последовавшем падении и тяжести последствий. Он настаивал, что все обстоятельства вместе свидетельствуют о виновности в причинении тяжкого вреда здоровью. Адвокат возразила: — Тяжёлый результат доказан. Первый удар доказан. Но следствие связало опасную травму со вторым ударом, а именно этот удар никто не видел надёжно. Если суд отвергнет версию обвинения о механизме травмы, нельзя просто заменить её новым предположением. Филания внимательно слушала. Ей казалось, что защита наконец сформулировала вопрос, вокруг которого вращалось всё дело: где заканчивается установленная причинная связь и начинается догадка.

В совещательной комнате Лапшина долго смотрела на фотографию бордюра. Беляев перечислял установленные обстоятельства, стараясь не торопиться. Филания предложила не обсуждать характер Рябова и Носова, а начать с действий, которые действительно подтверждены. Первый удар никто не отрицал; однако связь именно этого удара с тяжёлой травмой, наступившей при падении, требовала самостоятельной оценки. Вопрос о предполагаемом ударе ногой оставался неразрешённым. Они вернулись к показаниям Фокина и заключению эксперта. В итоге состав суда пришёл к выводу, что обвинение в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью не доказано: достоверного подтверждения второго удара и умысла на причинение тяжкой травмы не имелось. При этом Рябов признавал первый умышленный удар, причинивший потерпевшему физическую боль. Обсудив пределы предъявленного обвинения и возможность применения закона о менее тяжком преступлении без изменения фактической основы, состав суда счёл доказанными побои, предусмотренные статьёй 116 УК РФ. Суд не стал выдумывать механизм тяжёлой травмы ради обвинительного приговора по более тяжкому составу.

После прений и последнего слова Рябова состав суда удалился для постановления приговора. Разграничивать доказанный умышленный удар и последствия падения пришлось особенно осторожно. Обвинение по части первой статьи 111 УК не получило подтверждения в части умысла на причинение тяжкого вреда и причинной связи. При этом Рябов признавал, что ударил Носова, а сам потерпевший в суде прямо настаивал на привлечении его к ответствен-

ности за этот удар. Филания отдельно проверила, что изменение правовой оценки не выходит за пределы исследованных фактических обстоятельств и не ухудшает положение подсудимого.

При оглашении Носов поднялся, придерживаясь за спинку скамьи. Филания изложила мотивы изменения квалификации: «Рябова признать виновным по статье 116 Уголовного кодекса Российской Федерации и назначить наказание в виде исправительных работ сроком на четыре месяца». Когда она закончила и разъяснила порядок обжалования, Носов спросил, не скрывая горечи: — А за то, что я теперь с палкой хожу, значит, никто не отвечает? Филания не стала спорить с его болью. — Суд признал доказанным нанесённый вам удар. Причинную связь с тяжёлой травмой установить не удалось. Иного вывода суд не вправе сделать на основании предположения.

Носов отвернулся. Филания видела, как он долго застёгивает куртку одной рукой, другой опираясь на трость. Она не чувствовала облегчения от того, что формально разобралась в сложном вопросе: перед ней оставался человек с тяжёлой травмой. Но заменить отсутствующее доказательство сочувствием означало бы совершить другую несправедливость.

Портфель часовщика

Восьмого ноября в её производство поступило дело о грабеже пожилого часовщика Николая Ефимовича Гребенюка. Судебное следствие началось после завершения предыдущего процесса. Вместе с Филанией его рассматривали народные заседатели Николай Тимофеевич Громов и Нина Васильевна Воронцова. Обвинение предъявили Максиму Бурову и Евгению Селезнёву: у остановки они открыто похитили портфель с часами и инструментами, не причинив потерпевшему повреждений, опасных для жизни или здоровья. Филания с самого начала следила, чтобы никто не называл случившееся разбоем только из-за страха пожилого человека.

Перед допросом Гребенюка Филания заметила, что тот не слышит вопросы с задних мест. Она попросила участников говорить отчётливее. Часовщик отвечал неторопливо, постоянно касаясь пустого кармана, где, вероятно, привык держать часы. — Я сорок лет чужие механизмы чиню, — сказал он. — Если шестерёнка не подходит, сразу слышу. А этих двоих толком не разглядел. Защитник Бурова усмехнулся, и Филания попросила его не мешать допросу.

Прокурор поинтересовался, почему потерпевший не отдал портфель сразу, когда к нему подошли двое. — С какой стати? — удивился Гребенюк. — Там чужие часы, мне люди доверили. Я бы как им потом в глаза смотрел? Филания вдруг вспомнила отцовскую авторучку, которую дед хранил в деревянном футляре, хотя она давно не писала. Ничтожная с точки зрения цены вещь могла удерживать целую человеческую жизнь.

Когда в зал внесли опечатанный портфель, Гребенюк попросил разрешения посмотреть, всё ли на месте. Судья объяснила порядок осмотра вещественных доказательств. Среди инструментов не оказалось небольшой отвёртки с красной ручкой. «Она у меня лет тридцать, — сказал потерпевший и смутился, будто признался в чём-то несерьёзном. — Отец мне оставил». Филания не стала возвращать разговор к денежной оценке, пока старик не успокоился. Потом аккуратно зафиксировали перечень обнаруженных вещей.

«Вы видели, как они договаривались?» — спросил защитник Селезнёва. «Нет. Мне было не до их разговоров». Филания попросила потерпевшего показать на схеме остановки, где стоял каждый. Старик долго рассматривал лист и в конце концов нашёл нужные места. Оказалось, что второй мужчина мог преградить ему путь только после того, как первый уже завладел портфелем. Для обвинения это имело значение, но ещё не отвечало на вопрос о предварительном намерении.

Заседание отложили из-за неявки продавщицы ближайшего киоска. Филания впервые всерьёз рассердилась на то, как много времени занимает ожидание человека, которого другой человек считает неважным свидетелем. Соколова показала корешок повестки: женщина получила извещение вовремя. На следующий день она объяснила, что срочно заменяла заболевшую коллегу и не смогла уйти. Филания не стала читать нотаций. Нужно было установить, могла ли свидетельница увидеть важные обстоятельства.

Продавщица рассказала, что двое молодых людей долго стояли за киоском и рассматривали прохожих. — Они будто выбирали кого-то, — сказала она. — Почему вы так решили? — уточнил прокурор. — Ну, смотрели на сумки. Но что говорили — не слышала. Защитник Селезнёва, молодой адвокат Константин Мельников, попросил отметить разницу между наблюдением и предположением. Филания согласилась: свидетелю следовало рассказывать то, что он действительно видел, а не угадывать чужие намерения.

Зато следующий допрос принёс конкретное обстоятельство: покупатель, стоявший у киоска, слышал, как Буров сказал Селезнёву: «Ты спереди, я возьму». Свидетель не знал, к чему относилась фраза, но запомнил её из-за необычной интонации. Защита проверяла расстояние, шум дороги, время. Мужчина не мог поручиться за каждое слово, однако уверенно

воспроизвёл смысл. Филания заставила себя не решать вопрос об истинности сказанного до исследования прочих материалов.

Селезнёв поднялся, хотя слова предоставлены ему не были. — Он всё врёт! — выпалил он. Филания предложила ему сесть и объяснила, что он сможет задать вопросы через установленный порядок. Старый часовщик вздрогнул от крика. Когда подсудимый умолк, в зале повисла неприятная тишина; Филания дождалась, пока свидетель успокоится, и только тогда продолжила допрос.

В перерыве Громов спросил, почему дело о «простом портфеле» заняло столько времени. Филания не рассердилась, хотя вопрос прозвучал неловко. — Потому что у портфеля два похитителя, а у каждого своя версия. Громов почесал затылок. — Я не спорю. Просто думал, всё понятнее будет. Она кивнула. В этом и заключалась опасность: внешне простое преступление редко становилось проще от поспешного взгляда.

В прениях прокурор говорил о согласованном открытом хищении. Защитник Бурова просил учесть полное признание и частичное возвращение вещей. Защитник Селезнёва, напротив, настаивал, что присутствие рядом ещё не доказывает участия. «Если бы он хотел помочь похитителю, зачем стал толкаться с потерпевшим на виду у свидетелей?» — спросил адвокат. Астахов ответил: «Именно затем, чтобы не дать догнать человека с портфелем». Филания отметила, что риторическая убедительность этих фраз не заменяет оценки фактических действий.

В совещательной комнате Громов заметил, что человека, преградившего путь потерпевшему, легко перепутать с тем, кто пытался задержать похитителя. Воронцова напомнила о последовательности движения, восстановленной по схеме и показаниям свидетелей. Они вернулись к моменту, когда Буров схватил портфель, а Селезнёв оттолкнул Гребенюка. Лишь оценив каждый эпизод, состав суда признал доказанным совместное открытое хищение.

Когда огласили приговор, Гребенюк поднялся с трудом. За время ожидания у него затекла нога. Филания произнесла: «Бурова и Селезнёва признать виновными в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации. Бурову назначить четыре года лишения свободы, Селезнёву — три года лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима каждому». Старик слушал, прищурившись. Потом спросил не о сроках и даже не о деньгах, а о том, что станет с его инструментами.

После разъяснения порядка обжалования Гребенюк подошёл к секретарю и тихо поинтересовался, когда можно получить обратно инструменты, остававшиеся среди вещественных доказательств. Ирина Андреевна объяснила, что вопрос о них разрешён в приговоре, и уточнила порядок выдачи после вступления решения в законную силу. Филания слушала из-за стола и думала, что для часовщика возвращение отцовской отвёртки могло значить не меньше, чем назначенное наказание.

Последний вечер сторожа

Одиннадцатого ноября поступили материалы об убийстве сторожа Алексея Брагина. Филания назначила слушания на восемнадцатое и двадцать второе ноября, когда завершились ранее начатые процессы. В составе суда участвовали Дмитрий Васильевич Сазонов и Галина Павловна Соловьёва. Обвиняемым был племянник погибшего Павел Брагин. Соседи слышали ссору, на одежде Павла обнаружили кровь дяди, а сам он не отрицал, что приходил вечером. Следователь счёл спор о деньгах мотивом убийства.

В материалах имелась фотография маленькой кухни: опрокинутый стул, кружка у ножки стола, пятно крови возле порога. Филания долго смотрела на снимок, а потом отодвинула его. Ей не хотелось воображать убийство вместо того, чтобы исследовать обстоятельства. Но именно фотографии удерживали её от привычной сухости документов. Здесь жил человек; утром он, вероятно, кипятил чайник и открывал форточку, а вечером его жизнь оборвалась.

Филания предложила свидетелям последовательно восстановить не предполагаемую картину убийства, а то, что каждый из них наблюдал лично. Её беспокоило, как легко слова «видела, что он уходил» превращались в пересказе в «видела, как он убил». В прокуратуре она встречала подобные сдвиги не раз: один человек передавал другому собственную догадку, а к третьему рассказ доходил уже как достоверное свидетельство.

Павел Брагин был худым мужчиной с узкими плечами. Он признал, что спорил с дядей, но утверждал, что ушёл до преступления и вернулся за забытыми ключами. «Дверь была открыта, — рассказывал он. — Он лежал, я поднял его за плечи. Думал, ещё дышит. Потом понял, что кровь у меня на руках». Астахов спросил, почему подсудимый не вызвал милицию сразу. «Я выбежал на улицу, закричал соседке. Я телефона у него даже найти не мог». Свидетельница подтвердила, что слышала крик племянника и сама набрала номер милиции.

Прокурор обратил внимание на прежний конфликт о наследстве. Защитник возразил, что спор о деньгах был, но никаких документов о завещании не существовало. Филания поинтересовалась, на чём основано утверждение о мотиве. Астахов сослался на соседские показания и объяснения Павла. Судья отметила, что мотив может иметь значение, но его предположительность нельзя использовать как средство заполнить пробелы в доказательствах события.

Главный свидетель обвинения, соседка погибшего, услышала вечером крики и звук удара. Она видела, как племянник выходил из калитки, но точное время назвать не могла. «Часы у меня на кухне стояли, — говорила она. — Только я на них не смотрела». Адвокат попросил уточнить, сколько прошло от звука ссоры до появления Павла на улице. Женщина сначала ответила: «Минут десять», затем призналась, что могло быть и меньше, и больше. Филания не стала уличать её в противоречии. Именно такая неопределённость была естественна для человека, не ожидавшего стать свидетелем убийства.

Значительное место занял допрос судебно-медицинского эксперта. В обвинительном заключении время смерти было названо почти точно, словно его отметили наручные часы. Эксперт же объяснил, что имеющиеся признаки допускают определённый временной интервал и не позволяют установить минуту. «Следовательно, вы не можете утверждать, что смерть наступила до ухода племянника?» — спросила защита. «Не могу», — ответил эксперт. Астахов предложил другой вариант расчёта; специалист повторил пределы возможной точности. Филания вспомнила, как в прокуратуре однажды заставила следователя переписать формулировку «точно в 21.15», потому что эксперт называл лишь приблизительный промежуток.

На втором заседании допросили знакомого Павла, у которого тот вечером воспользовался домашним телефоном. Мужчина назвал примерное время разговора и описал одежду гостя. По запросу защиты были исследованы доступные сведения о звонке, но сами по себе они не позволяли установить все перемещения Павла. Важно было другое: обвинительная версия

о его непрерывном нахождении в доме дяди не согласовывалась с рядом независимо подтверждённых обстоятельств. Защита также обратила внимание на следы других посетителей, которым следствие не уделило достаточного внимания. Суд не превращал это в самостоятельный розыск неизвестного убийцы; оно лишь оценивало, подтверждено ли предъявленное обвинение.

Знакомый Павла принёс с собой клетчатую записную книжку: в тот вечер он отмечал, кому дал взаймы деньги на запчасти. Филания осторожно раскрыла её на нужной странице. Чужие, совсем будничные записи — суммы, фамилии, слово «завтра» — вдруг оказались важнее длинных рассуждений о характере племянника. Она попросила уточнить, делалась ли пометка в тот же вечер, и не позволила прокурору называть книжку безусловным алиби: это был ещё один источник сведений, который надлежало оценить.

В перерыве Филания вышла в служебный коридор, где встретила председателя Нечаеву. Та спросила, всё ли в порядке с организацией заседания. «Пока да. Но показания о времени смерти не совпадают с тем, что записано в обвинительном заключении», — ответила Филания. Софья Павловна остановилась. «Содержание дела со мной не обсуждайте, — сказала она без упрёка. — Если нужна помощь с вызовом эксперта или помещением, решим. А что следует из доказательств, решайте своим составом». Филания почувствовала, как вспыхнули щёки. Она вовсе не собиралась просить совета по виновности, но сама подступила к опасной границе. Этот короткий разговор оказался полезнее многих наставлений.

На втором заседании вызвали работника магазина, куда погибший заходил за два часа до смерти. Свидетель сообщил, что Алексей Брагин купил хлеб и несколько продуктов и по дороге домой разговаривал с неизвестным мужчиной в длинном плаще. Прокурор спросил, почему тот не рассказал об этом следствию. «Рассказывал, — ответил свидетель. — Сказали, наверное, обычный прохожий». Защитник попросил исследовать первоначальный протокол. В нём упоминания о незнакомце действительно не было. «Вы подписали такой протокол?» — спросил адвокат. «Подписал. Прочитать толком не успел». Филания не стала делать вывод о достоверности новой детали по одному объяснению; она лишь отметила её как обстоятельство, требующее оценки.

Павел Брагин слушал этот рассказ с очевидным напряжением. Когда ему предоставили возможность задать вопрос, он спросил, не носил ли незнакомец кепку. Свидетель ответил, что головного убора не помнит. Филания увидела, как легко подсудимый пытается достроить свидетельство до собственной версии. Ей было понятно это желание, но она мягко попросила не подсказывать человеку детали, которых тот не сообщал.

После заседания Сазонов всё ещё рассуждал о том, что незнакомца можно было придумать задним числом. Соловьёва ответила, что это возможно, но сомнение в новом свидетельстве не делает автоматически доказанным обвинение против племянника. Филания в тот момент особенно ясно почувствовала, как народные заседатели постепенно приобретают свой собственный судебный опыт. Они больше не спрашивали её, «какой ответ правильный», а спорили между собой о границах выводов.

В прениях Астахов настаивал, что совокупность ссоры, крови и поведения подсудимого не может быть случайной. Защитник возразил, что кровь на одежде получила объяснение, согласующееся с показаниями соседки, а время смерти не исключает появления другого человека. «Нельзя требовать от подсудимого доказать, кто именно убил его дядю, — сказал он. — Это не его обязанность». Слова прозвучали резко. Филания вспомнила прежнее своё раздражение, когда защитник использовал такую формулировку в явно доказанном деле. Сейчас она вынуждена была признать её значение.

В совещательной комнате Сазонов первым сказал, что Павел «выглядит очень подозрительно». Соловьёва попросила назвать доказательство именно смертельного удара. «Он был там», — ответил Сазонов. «Он был в доме до смерти и после. Между этими событиями есть

время, которого мы не знаем». Филания предложила рассмотреть доказательства отдельно: факт ссоры, происхождение крови, показания о времени, судебно-медицинское заключение. Сазонов долго спорил; ему не нравилось оставлять убийство без установленного виновного. Филания не скрывала, что понимает его возмущение, но не позволила сделать из него аргумент обвинения.

После прений и последнего слова Брагина состав суда удалился в совещательную комнату. Они не смогли устранить противоречия во времени смерти и обстоятельствах появления крови на одежде подсудимого. Обвинение требовало признать доказанным смертельный удар, но прямых доказательств этого в деле не было, а объяснение о попытке помочь раненому не было опровергнуто. Филания вернулась в зал с подписанным приговором и дождалась, пока разговоры стихнут.

— Брагина Павла Алексеевича по обвинению в убийстве, предусмотренном частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, оправдать за недоказанностью его участия в совершении преступления, — огласила она. Подсудимый закрыл глаза. Сестра погибшего выкрикнула с места: — Вы его отпускаете? Он же там был! Филания предложила соблюдать порядок и продолжила провозглашение, не вступая в спор. Оправдание племянника не означало, что суд перестал считать убийство преступлением.

После процесса Филания долго не уходила домой. В коридоре слышно было, как родственница погибшего обещала обжаловать решение, и она имела на это право. Филания вспомнила собственные прокурорские годы: там каждый оправдательный приговор по плохо расследованному делу вызывал досаду, почти дословно похожую на слова женщины. Но нельзя было исправить чужое расследование осуждением человека, вина которого не доказана.

Цена угроз

В конце ноября в производство Филании поступило дело о вымогательстве у владельца автосервиса «Ротор» Бориса Аркадьевича Липатова. Для слушания были вызваны народные заседатели Георгий Петрович Кузнецов и Мария Борисовна Ожегова. Раньше Филания встречала вымогательство в основном в материалах следствия; теперь ей предстояло отличить угрозу, направленную на незаконное получение денег, от грубого, но не обязательно преступного спора о действительном долге.

Подсудимых было двое: Алексей Курагин, бывший снабженец автосервиса, и Владислав Чернов, занимавшийся установкой автомобильных сигнализаций. Курагин признавал ссору с хозяином из-за увольнения, Чернов — знакомство с Курагиным. Оба отрицали угрозы. Между ними не было ни совместного бегства с места преступления, ни спора о том, кто держал нож. Их возможные роли разделялись иначе: по версии обвинения Курагин придумал схему давления, а Чернов передавал требования и собирал деньги.

Липатов появился с толстой папкой и разложил документы по датам. Он не производил впечатления испуганного человека: отвечал сухо, часто просил разрешения заглянуть в бумаги. Но когда разговор коснулся угроз сжечь автосервис, он отвёл взгляд и почти незаметно провёл ладонью по тыльной стороне другой руки. Филания впервые увидела в нём не хозяина предприятия с бухгалтерскими документами, а человека, который несколько недель проверял замки перед уходом.

Записку обнаружили в щели между воротами и рамой. Она была отпечатана на старом матричном принтере, не содержала подписи и требовала очередной платёж. Следствие изъяло в мастерской Чернова листы похожей бумаги, однако эксперт не смог установить общность происхождения. Прокурор настаивал на значении совпадения, защита называла его случайным. Филания внимательно следила, чтобы в речах сторон не превратилось незавершённое экспертное сравнение в уверенное тождество.

Банковские квитанции были бесспорными лишь в одном: деньги действительно перечислялись. Липатов трижды переводил суммы на счёт небольшого посреднического предприятия. Учредителем числился не Курагин и не Чернов. Прокурор считал платежи частью заранее согласованной схемы вымогательства, защита возражала, что сами по себе переводы подтверждают только движение денег.

— Тогда откуда вы решили, что деньги забирал Чернов? — спросила защитник, когда следователь выступал свидетелем по обстоятельствам получения документов. Судья остановила вопрос: оценка выводов следствия не заменяла выяснения конкретных фактов. После уточнения адвокат спросила, имелись ли в банковских документах подписи получателя и проводилось ли их исследование. Выяснилось, что соответствующая графа заполнена, но копия, приобщённая к делу, плохо читается. По ходатайству стороны был исследован оригинал документа.

В этой подробности Филания неожиданно узнала собственную прокурорскую привычку: когда материал казался второстепенным, она нередко просила показать оригинал, чтобы убедиться, что копия ничего не скрыла. И теперь не собиралась отказываться от полезного навыка только потому, что его выработала в прокуратуре. Вопрос заключался не в происхождении привычки, а в том, чтобы не использовать её для помощи одной стороне.

На следующем заседании специалист пояснил, как исследовались подписи на платёжных документах. В заключении почерковедческой экспертизы было указано, что подпись получателя, по мнению эксперта, выполнена Черновым. Филания попросила не подменять исследование документа уверенной фразой «он брал деньги»: обстоятельства распоряжения суммами ещё требовали сопоставления с остальными доказательствами.

Чернов признал получение денег, но объяснил это поручением знакомого. — Я думал, оплата за оборудование, — сказал он, не глядя на потерпевшего. Прокурор спросил, почему все три раза деньги снимались почти сразу после поступления и почему часть наличных была обнаружена у него дома. — Потому что он просил снять, — ответил Чернов. — Кто «он»? — Курагин. — Почему вы раньше этого не говорили? Чернов посмотрел на второго подсудимого, и Филания увидела, как тот впервые за всё заседание выпрямился.

Курагин возмутился. Он не отрицал, что просил Чернова получать какие-то суммы, но называл их возвратом личного долга, которого Липатов якобы не хотел признавать. Защитник попросил представить документы о долге. Их не оказалось. Липатов, в свою очередь, признал прежние разногласия по расчётам за поставки. Суд не мог отвергнуть утверждение о хозяйственном споре только из-за отсутствия письменного договора: в девяностые многие рассчитывались без расписок. Но и этот спор не объяснял угроз уничтожить имущество.

Особенно напряжённым оказался допрос диспетчера автосервиса Нины Георгиевны Лапиной. Она сохранила в рабочем блокноте записанные со слов звонившего даты платежей и одну необычную фразу: «Следующий подъёмник будет последним». Нина Георгиевна рассказала, что слышала звонок по громкой связи: голос принадлежал человеку, которого она прежде не встречала, а выражение было произнесено ровно, без крика. — Вы уверены в словах? — спросил прокурор. — Их я сразу записала. Уверена. — А в личности звонящего? — Я его не видела и утверждать не стану. Филания оценила точность этого ответа.

Лапина рассказывала о звонках без заметного волнения, пока адвокат не попросил её объяснить, почему она сохранила рабочий блокнот. Тогда женщина посмотрела на Липатова. — Он велел вырвать листы. Сказал, не надо лишних следов. А я не вырвала. Я ведь всё записывала: кому перезвонить, какую машину забрать. Испугалась, что сама потом виноватой останусь. Филания впервые за весь день услышала в этом деле не язык денег и угроз, а страх обычной сотрудницы остаться крайней.

В зале прозвучала аудиокассета, переданная потерпевшим следствию. Липатов объяснил, что записал третий звонок на обычный магнитофон, подключив его к телефонной линии через приобретённое устройство. В записи слышались шорохи и паузы, но требование о платеже и угроза повреждения оборудования различались отчётливо. Адвокат Чернова возражала против выводов о личности звонящего: кассета фиксировала слова, но не делала говорившего её подзащитным. Эксперт, исследовавший фонограмму, подтвердил отсутствие признаков грубого монтажа на доступных ему участках, однако категорически установить голос конкретного человека не смог. Филания отклонила попытку прокурора представить фонограмму как самостоятельное доказательство авторства угроз, оставив вопрос для оценки в совокупности с остальными материалами.

В перерыве Ирина Андреевна спросила, зачем суд так долго разбирает банковские бумаги, если потерпевший и без того уверен в виновности бывшего работника. — Потому что страх Липатова настоящий, — ответила Филания, — но настоящий страх не называет по фамилии того, кто его вызвал. Секретарь взглянула на неё с неожиданной серьёзностью. — А деньги ведь кто-то получал. — Вот и будем выяснять, кто и при каких обстоятельствах.

Самым важным оказалось не сходство голосов и не одинокая записка. Из последовательности переводов, показаний работников и признанных Черновым обстоятельств следовало, что Курагин заранее разработал схему угроз, а Чернов ещё до первого перечисления согласился принимать деньги и скрывать их источник. Это подтверждали переговоры, которые свидетели слышали до появления первой записки. В зале Филания всё равно потребовала исследовать каждый эпизод отдельно: общий вывод не мог заменять доказательств участия второго подсудимого.

Незадолго до завершения судебного следствия прокурор спросил Чернова: — Когда вы узнали, что Липатов платит из-за угроз? Подсудимый долго молчал. — Потом. Когда всё уже

началось. — Но первый перевод вы получили по поручению Курагина, а перед этим были у него в гараже вместе с двумя свидетелями? — Был. Про угрозы тогда ничего не слышал. Филания позволила защитнику уточнить обстоятельства встречи. Ответ Чернова не устранял показаний тех, кто слышал его согласие принимать деньги ещё до первого звонка.

В прениях прокурор связал угрозы, платежи и показания работников в единую картину заранее согласованного вымогательства. Защитник Курагина утверждал, что речь шла о возврате долга. Адвокат Чернова настаивал: получение денег ещё не доказывает знания об угрозах. Филания выслушала обе стороны, не торопясь мысленно соглашаться с более гладкой речью. У каждого адвоката была своя работа; у суда — обязанность проверить, выдерживает ли обвинение встречный вопрос.

В совещательной комнате Кузнецов всё ещё сомневался в предварительной договорённости Чернова. Ожегова предложила вернуться к разговору у гаража, состоявшемуся до угроз. Филания попросила рассмотреть и показания Чернова, и противоречащие им свидетельства — по отдельности, без готовой оценки. Только после такого сопоставления заседатели согласились, что предварительное соглашение двух обвиняемых доказано.

В совещательной комнате Кузнецов считал, что Чернов был осведомлён обо всём с первых дней. Ожегова сомневалась: получение денег по поручению знакомого ещё не означало участия в вымогательстве. Филания предложила раздельно оценить доказательства по каждому из переводов. Они сверили банковские даты с показаниями Лапиной, объяснениями бухгалтера и словами обоих обвиняемых. В итоге состав суда признал организатором вымогательства Курагина, а участие Чернова — доказанным лишь после того, как тот узнал о характере угроз.

Вернувшись в зал после совещания, Филания прочитала резолютивную часть: «Курагина и Чернова признать виновными в совершении вымогательства группой лиц по предварительному сговору, предусмотренного пунктом „а“ части второй статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации. Курагину назначить пять лет лишения свободы, Чернову — три года лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима каждому». Чернов поднял голову только на своём имени. Курагин сжал губы и стал быстро писать адвокату на листке. Оба услышали разные сроки — суд установил не одинаковую степень участия в одном общем замысле.

Когда оглашение закончилось, Липатов спросил у секретаря, когда сможет получить обратно переданные деньги. Ирина Андреевна ответила, что порядок разрешения имущественного вопроса изложен в приговоре и зависит от его вступления в законную силу. Филания видела, как он убрал папку в портфель, дважды проверив застёжку. Ему, кажется, было важнее вновь распоряжаться своим заработком, чем увидеть подсудимых в наручниках.

Граница обороны

В начале декабря в производство Филании поступило дело Валентины Мироновой, обвиняемой в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Николаю Сафронову. Вместе с ней его рассматривали народные заседатели Юрий Александрович Фёдоров и Инна Сергеевна Вяткина. Филания заранее прочитала справки о повреждениях обоих участников ссоры и заметила, что следствие подробно описывает травму Сафронова, но почти не обсуждает синяки Мироновой.

Миронова вошла в зал в сером костюме и села очень прямо. Она работала заведующей складом, одна воспитывала дочь, раньше не судилась. Сафронов был предпринимателем, общительным и уверенным в себе человеком. В ходе первоначального допроса он сказал, что женщина напала на него из ревности. В суде начал с тех же слов, но вскоре оказалось, что в тот вечер пришёл к Мироновой после застолья и требовал вернуть деньги, которые считал собственными.

«Вы били Валентину?» — спросил защитник. «Я её оттолкнул. Она сама кинулась». — «Почему у неё зафиксированы повреждения на лице и руках?» — «Упала, наверное». Филания попросила Сафронова уточнить, видел ли он падение. «Не видел. Я вообще после удара помню мало». Она отметила, что свидетель сам ограничил достоверность собственного объяснения. В прокурорской работе ей не раз приходилось слышать подобные предположения, которые при пересказе превращались в якобы установленные факты.

Миронова говорила медленно. «Он пришёл пьяный, начал кричать. Сначала толкнул меня к шкафу, потом ударил. Я попросила уйти, он схватил за волосы. Ваза стояла на столике. Я не думала, куда бью». Астахов спросил, могла ли она выбежать из комнаты. «Дверь за ним была. Я пыталась пройти, он не пустил». Прокурор указал на разницу между первоначальными и нынешними объяснениями. Миронова ответила, что в больнице говорила только об ударе и почти не могла собраться с мыслями. Филания не стала принимать это объяснение автоматически, но и не сочла противоречие достаточным доказательством лжи.

— Николай Петрович, вы сказали, что только оттолкнули Валентину, — обратилась Филания к потерпевшему после вопросов сторон. — Откуда тогда повреждения на её лице и руках? — Может, за шкаф зацепилась, — ответил он. — Когда это произошло? Сафронов помолчал, потом сказал, что не помнит. Филания не стала добиваться от него уверенности, которой у него не было.

Второй раз он ответил уже резче: — Значит, вы ей верите? — Суд ещё исследует доказательства, — сказала Филания. — Вы можете отвечать на вопрос или пояснить, чего не помните. Не нужно угадывать, какой ответ нам нужен. Сафронов опустил взгляд, и она вернула слово прокурору.

Соседка рассказала, что слышала крик женщины «Отпусти!» и удары в стену. На вопрос защитника о времени она сказала, что часы в коридоре показывали около половины двенадцатого. Прокурор уточнил, видела ли она саму драку. «Нет, — ответила свидетельница. — Я только слышала». Судья отметила границу её знания. Вопрос о последовательности событий требовал сопоставления этих слов с медицинскими заключениями и показаниями участников.

Судебно-медицинский эксперт объяснил характер повреждений Мироновой и Сафронова. Повреждения женщины согласовывались с ударами и захватами, о которых она рассказывала. В то же время тяжесть травмы потерпевшего не позволяла по одному медицинскому признаку определить, превышались ли пределы защиты. Защитник попросил эксперта оценить, могла ли женщина получить ушибы случайно. «При определённых обстоятельствах — да, — ответил тот. — Но совокупность их локализации и характера следует оценивать вместе

с прочими сведениями». Филания про себя повторила это «вместе»: ни одна бумага не должна превращаться в замену живого исследования.

Ещё до ухода эксперта Миронова попросила разрешения задать один вопрос: — А если бы я тогда не ударила, кто-нибудь мог бы сказать, что со мной было бы? Эксперт честно ответил, что это выходит за пределы его заключения. Она кивнула и больше не спрашивала. Филания запомнила короткий обмен. Некоторые обстоятельства суд обязан оценивать по доказательствам, а некоторые никто уже никогда не узнает.

Перед вторым заседанием Миронова принесла через защитника справку о том, что за несколько недель до случившегося обращалась к врачу после другой ссоры с Сафроновым. Прокурор возражал против придания этому документу решающего значения: прежние обстоятельства не определяют автоматически события конкретной ночи. Филания согласилась с границей такого вывода, но разрешила исследовать документ в связи с объяснениями женщины о характере отношений. Ей было важно не превратить историю повторяющихся конфликтов в доказательство того, что в любую ночь всё происходило одинаково.

Сафронов отреагировал на справку с раздражением. «Она всё собирала на меня бумаги, — сказал он. — Значит, заранее готовилась». Защитник поинтересовался, отрицает ли он прежнюю ссору. «Не отрицаю. Только я тогда не бил». Филания предложила ответить на вопрос о времени и обстоятельствах, не переходя к оценке намерений Мироновой. И вдруг заметила в себе старую прокурорскую манеру: ей хотелось самой задать ещё три уточняющих вопроса подряд, чтобы немедленно обнаружить противоречие. Она сделала паузу, позволив сначала завершить вопросы сторонам.

В зале присутствовала совершеннолетняя сестра подсудимой, но её не вызывали свидетелем. Филания замечала, как та всё время смотрит на Миронову и сжимает края платка. Сама Миронова почти не поворачивала головы. Лица родственников порой говорили о предшествующей жизни больше, чем характеристики из дела, но суду нельзя было делать из этих лиц доказательства.

Когда исследовали схему квартиры, выяснилось, что небольшой столик с вазой стоял у прохода между комнатой и коридором. Миронова на схеме показала, где её удерживал Сафронов. Он предложил другое расположение. Эксперт отказался выбирать одну версию на основании одной схемы. Филания отметила, что отсутствие точной реконструкции не обязательно делает невозможной правовую оценку: нужно установить именно те обстоятельства, без которых вопрос о необходимой обороне не решить. Но и нельзя подгонять их под ожидаемый вывод.

В прениях прокурор обратил внимание на тяжесть последствий и возможность избежать удара. Защитник напомнил, что человек не обязан безошибочно рассчитывать силу защиты в условиях непосредственного нападения, и просил учесть не абстрактную возможность уйти, а конкретную обстановку квартиры. Миронова в последнем слове сказала только: «Я не хотела его калечить. Я хотела, чтобы он меня отпустил». После этого молчала, глядя перед собой.

Фёдоров в совещательной комнате был потрясён тяжестью травмы: «Нельзя же оставить человека с такой головой и сказать, будто ничего не случилось». Филания спокойно ответила, что вред причинён — это установлено, но уголовная ответственность зависит от всей совокупности обстоятельств и правовой оценки действий. Вяткина попросила вернуться к положению участников возле двери. Они снова посмотрели схему, показания соседки, выводы эксперта. В результате большинство первоначальных подозрений в отношении Мироновой рассеялось: исследованные доказательства подтверждали наличие реального нападения и защитный характер её действий, а данные о преступном превышении необходимой обороны отсутствовали. Состав суда оправдал Миронову за отсутствием состава преступления.

После возвращения состава суда в зал Филания огласила: «Миронову Валентину Сергеевну по обвинению в преступлении, предусмотренном частью первой статьи 111 Уголовного

кодекса Российской Федерации, оправдать за отсутствием в её действиях состава преступления». Миронова прикрыла ладонью рот, но не заплакала. Сафронов тихо сказал представителю: «А мне с этим жить». Филания окончила чтение и разъяснила порядок обжалования. Ей было нечего возразить о боли пострадавшего; закон не ставил под сомнение травму, а только исключал преступность необходимой обороны.

В тот вечер Филания позвонила деду Павлу Николаевичу. Ей хотелось услышать разговор, в котором никто никого не обвиняет. Дед рассказал, что снова отыскал старую фотографию дома, долго рассматривал крыльцо и спорил сам с собой, какого цвета прежде были ставни. Она улыбнулась и впервые за неделю спросила его о здоровье прежде, чем о ремонте. — Работаешь-то, небось, до темноты? — Не всегда, дедушка. — У тебя голос как у человека, который это говорит не совсем честно. Она рассмеялась. Он попал в точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.